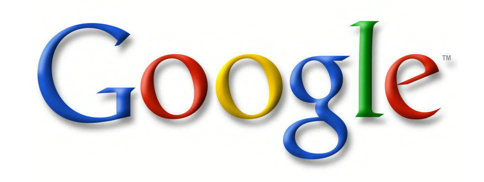
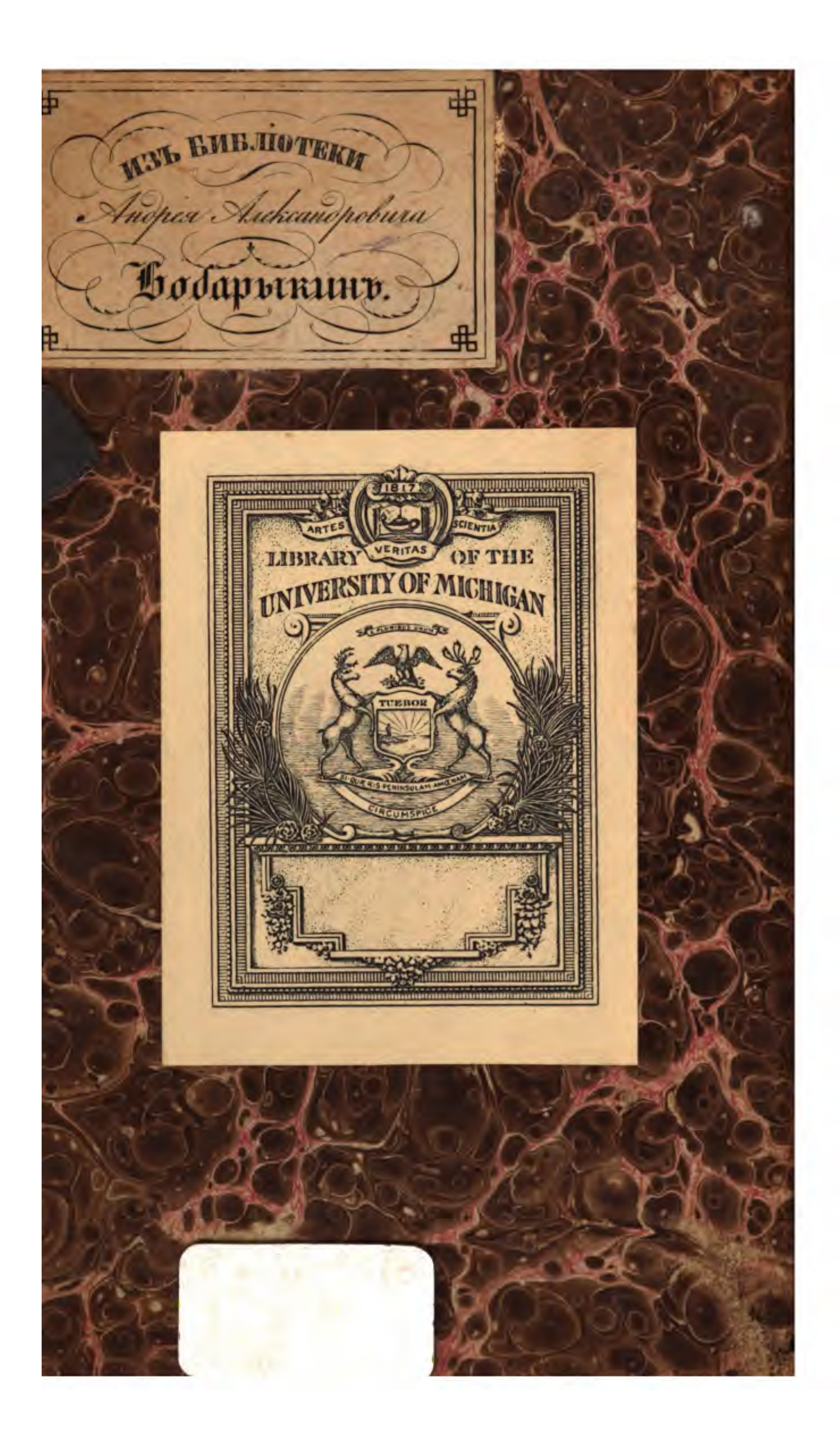
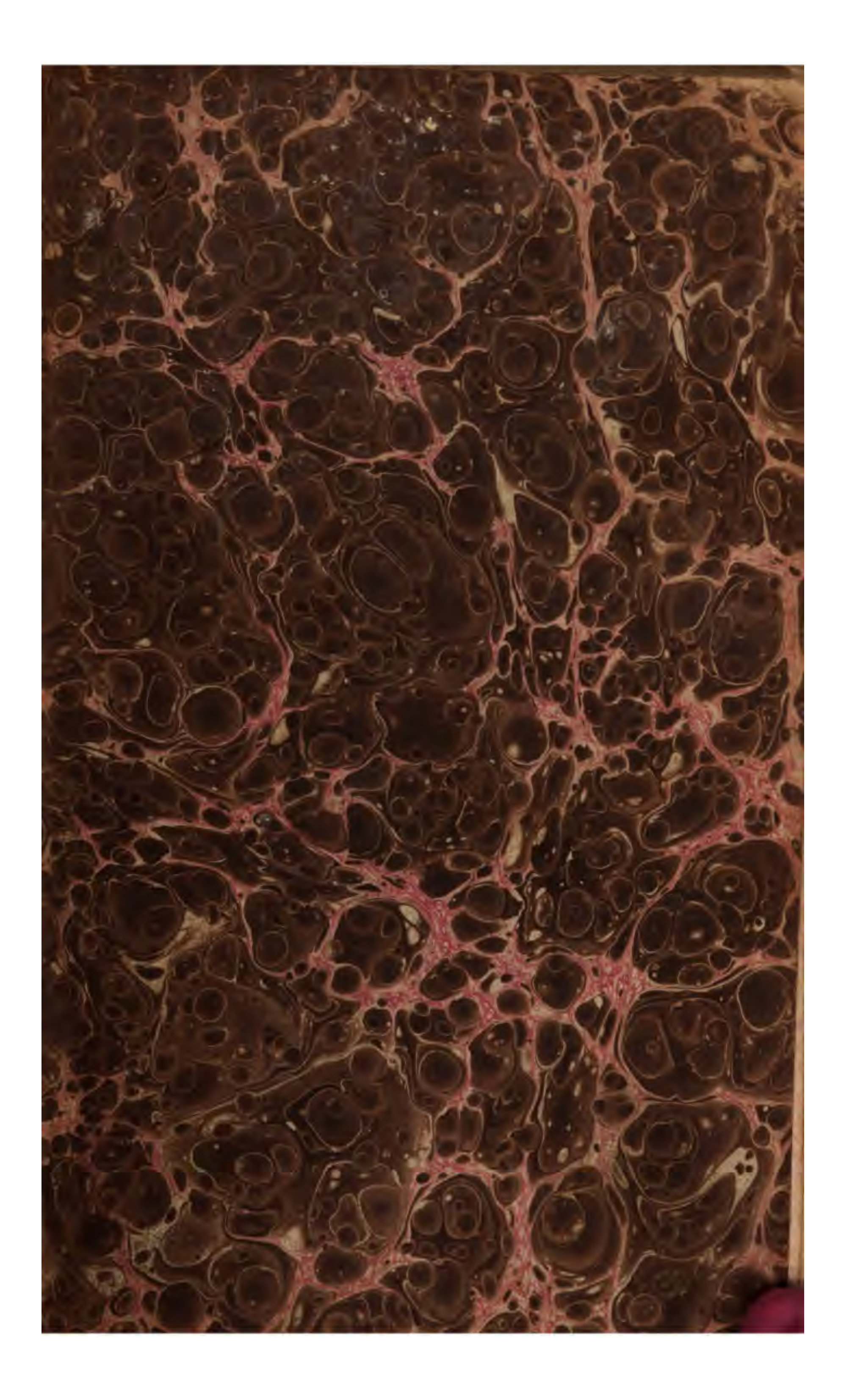

Google

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ
Андрея Александровича
Бобарыкинъ.
1817
ARTES
SCIENTIA
VERITAS
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
TUEBOR
SI QUÆRIS PENINSULAM AMŒNAM
CIRCUMSPICE

Изъ библіотеки Андрея Александровича Бобрыкина

Изъ Библіотеки Андрея Александровича Бобрыкина

Курской губерніи

[illegible] щевскаго уѣзда

Села Крюкова

Крестьянинъ

Дмитрія

Герасима [illegible]

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Шестое Изданіе

вновь исправленное, съ описаніемъ его жизни, искусно гравированнымъ портретомъ, картинами и виньетами.

Жилъ честно, цѣлой вѣкъ трудился,
И умеръ голъ, какъ голъ родился **И.Х.**

МОСКВА

въ Типографіи Н. Степанова
при Императорскомъ Театрѣ.
1830.

Милостивая Государыня!

Лишь только я успѣлъ сказать:
Ну, басенки мои и сказочки! прощайте,
Васъ требуютъ, и мнѣ васъ больше не держать;
Ступайте.
Пріятелямъ моимъ привыкъ я угождать:
Они меня о томъ не разъ уже просили,
Чтобъ напечатать васъ отдать.
Всѣ басни съ сказками ко мнѣ тутъ приступили,
И каждая принявъ и голосъ свой и видъ,
Старикъ мнѣ первой говоритъ:
Помилуй, что ты затѣваешь,
Что ты безъ всякой насъ защиты отпускаешь!
Ужь ли ты для того на свѣтъ насъ жить пустилъ,
И насъ дѣтей своихъ лелѣялъ и училъ,
Чтобъ мы на произволъ судьбы теперь остались

И безъ прибѣжища скитались?
Не самъ ли ты черезъ меня сказалъ,
Что въ море бы однимъ ребятамъ не пу-
скаться?
А ты теперь и самъ что дѣлать съ нами сталъ!
Бѣднякъ тожъ къ рѣчи тутъ присталъ:
А я куда гожусь? какъ въ свѣтъ мнѣ показаться?
Ты знаешь, батюшка! довольно, свѣтъ каковъ:
Какое множество развратныхъ въ немъ умовъ.
Ты знаешь сколько въ немъ на правду негоду-
ютъ,
И какъ порочные умы объ ней толкуютъ;
А ты вѣдь, батюшка! когда насъ воспиталъ,
»Ну, дѣти! правдою живите,
»И правду говорите«
Всегда намъ толковалъ.
Такъ ты насъ подъ ея защитой отпускаешь!
Помилуй, развѣ ты не знаешь

Какой по бѣдности моей мнѣ былъ пріёмъ
Въ бесѣдѣ передъ богачомъ?
Чего же добраго теперь мнѣ дожидаться,
Когда мнѣ въ свѣтъ еще и съ правдой показаться?
Нѣтъ, ежели ты въ свѣтъ задумалъ насъ пустить,
Отдай Д....... насъ въ покровъ и защищенье.
Тогда хоть мы отъ злыхъ услышимъ поношенье
Что станемъ правду говорить,
Но въ ней не гнѣвъ найдемъ, увидимъ снисхожденье.
Ея одно въ томъ утѣшенье,
Одинъ законъ, одно ученье,
Чтобъ правду слышать и любить.
Она отъ клеветы насъ иногда избавитъ,
А именемъ своимъ тебя и насъ прославитъ,
И нашихъ недруговъ заставитъ

Можетъ быть
Еще насъ и любитъ:
Хотъ правда въ свѣтѣ не терпима,
Но изъ прекрасныхъ устъ все можетъ быть любима.
»Какъ? Ей представить васъ? что вы съ ума сошли?
Подитежъ прочь, пошли, пошли.« —
Сперьва таки какъ ладъ просили, все просили;
Но вдругъ какъ подняли и вой
И плачь такой:
Ой, батюшка! постой, постой.
Ой, что задумалъ ты надъ нашей головой? —
Тутъ всѣ они свои заслуги протвердили,
Безъ череды и чередой:
Иная басня тутъ медвѣдемъ заплясала!
Другая тутъ свиньей визжала.
Медвѣдь сказалъ:

Что, развѣ ты забылъ какъ въ баснѣ я плясалъ?
Свинья свое напоминала,
И съ прочими тудажъ твердитъ:
Припомни какъ меня въ девятой баснѣ били,
Гоняли, мучили, тузили.
Слоны съ коровой приступили—
Корова говоритъ:
Что, развѣ даромъ я подъ сѣдокомъ страдала,
За лошадь службу отправляла,
И не въ попадъ ступала;
А что я не скакала,
Такъ я не виновата въ томъ,
Что не родилася конёмъ.
Слоны свое тутъ толковали:
Да мы чѣмъ виноваты стали,
Что новой ты совѣтъ затѣявъ учредить,
И съ нами
Слонами

Скотовъ съ предлинными ушами
За красное сукно изволилъ посадить.
Иль наши всѣ труды пропали;
Такъ изъ чегожъ бы намъ служить?
И уши крикомъ мнѣ и воемъ прожужжали.
Другіе было всѣ туда-жъ еще пристали:
Но, я чтобъ какъ нибудь скорѣй ихъ съ шеи сжить,
Сталъ гнать ихъ отъ себя, кричать на нихъ, бранить:
Поди, уродлива станица! отступися.
Они, Сударыня! и пуще привяжися.
Я имъ въ разсудокъ говорить:
Да какъ уродовъ васъ Д....... мнѣ представить?
Иль вкусъ и красоту Ея мнѣ оскорбить,
И самому себя предъ Нею обезславить?—
Ну, къ стати ли! они никакъ не отставать:

Стоятъ на томъ, чтобъ Вамъ въ защиту ихъ отдать.
Хотя бы, говорятъ: мы Ей не показались,
Такъ мы бы именемъ Ея покрасовались.
Я все не смѣлъ имъ обѣщать,
Какъ вздорная меня станица ни просила:
Но вдругъ гдѣ ни взялась, жена тутъ приступила,
Котору въ сказкѣ я десятой описалъ.
Тутъ я, Сударыня! что дѣлать ужъ не зналъ:
И чтобъ скорѣй съ ней разойтиться,
Я былъ ужъ принужденъ рѣшаться.
Да, да; я ей сказалъ:
Такъ точно, знаю, знаю;
Подите только прочь, я все вамъ обѣщаю....
Давъ слово, долженъ я здержать.
Не надобно бы такъ нескромно обѣщать;
Но силу кротости и власть разсудка зная,

И вздорную лишь тѣмъ исправить уповая,
Подумалъ я: ну, чтожъ! пусть будетъ и она
На путь прямой обращена;
Не первая то будетъ злая
Обезоружена
Жена....
Пожалуйте ее, Сударыня! исправьте;
А мнѣ простите слогъ простой,
И счастье тѣмъ мое составьте,
Позвольте, чтобъ Вамъ былъ покорнѣйшимъ слугой.

Иванъ Хемницеръ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Басни и Сказки.

	Части.	Стран.
Муравей и Зерно	III —	3
Невѣжество и Скупость	III —	6
Обозъ	I —	44
Оплошалая Лисица	II —	13
Орлы (*изъ Дората*)	I —	31
Оселъ невѣжа	I —	38
Оселъ приглашенный на охоту .	II —	50
Оселъ въ уборѣ	III —	14
Отецъ и Сынъ его.	I —	8
Паукъ и Мухи	II —	6
Перепелка и Крестьянинъ (*изъ Лафонтена*)	III —	25
Поборъ Львиной	III —	28
Попугай	II —	53
Праздникъ деревенской	III —	48
Привиллегія	III —	35
Привязанная Собака	II —	8
Пчела и Курица (*изъ Геллерта*) .	III —	21
Ребята своевольные	I —	36
Скворецъ и Кукушка (*изъ Геллерта*)	I —	6
Слѣпцы	II —	18
Слѣпой Левъ	III —	7
Совѣтъ Старика	I —	20
Собака и Мухи	III —	40
Соловей и Вороны	II —	11
Соловей и Чижъ (*изъ Геллерта*) .	II —	25

Чужія Басни.

ЖИЗНЬ

СОЧИНИТЕЛЯ.

Читая сочиненія Ивана Ивановича Хемницера, и судя по чистотѣ слога, по прямому Русскому нарѣчію, по картинамъ, часто изъ обычаевъ простаго народа взятымъ, никому конечно не придетъ на умъ, что онъ рожденъ былъ отъ чужестранцовъ. его, выѣхавшій изъ Саксоніи, провелъ Отецъ всю жизнь свою въ нашей службѣ, и наконецъ былъ надзирателемъ Санктпетербургскаго сухопутнаго госпиталя. Онъ сдѣлался извѣстнымъ, какъ знаніями въ лѣчебной наукѣ, такъ добротою души и отличнымъ безкорыстіемъ: ибо, находясь

около 50 лѣтъ въ различныхъ должностяхъ, не имѣлъ онъ къ пропитанію себя въ дряхлой старости ничего, кромѣ жалованья, и женѣ своей оставилъ совершенную нищету. Сіи добрые родители, имѣя съ двумя дочерьми одного только сына, истощили всѣ способы къ доставленію ему хорошаго воспитанія. Иванъ Ивановичь родился въ 1744 году, и отъ природы одаренный острымъ понятіемъ и памятью, преуспѣлъ онъ скоро въ языкахъ и наукахъ, въ общежитіи необходимыхъ. Рожденный съ добрымъ сердцемъ, легко заимствовалъ онъ отъ родителей своихъ кореннныя добродѣтели, наипаче: простосердечіе, воздержность, безкорыстіе и горячность въ дружбѣ; а наконецъ, съ такими расположеніями пущенный въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ на свою волю въ свѣтъ, котораго опасности живо ему изображаемы были, изострилъ онъ всегдашнею осторожностію наблю-

дательный умъ, причины и дѣйствія вещей испытующій, которому обязаны мы большею частію басенъ и сказокъ его, одной токмо природѣ подражающихъ.

Когда Хемницеръ пришелъ въ юношескія лѣта, то отецъ его желалъ, чтобы онъ, по примѣру его, посвятилъ себя врачебной наукѣ. — Хотя же способность молодаго человѣка и обнаруживалась успѣхами въ умозрительныхъ сей науки свѣдѣніяхъ; но какъ не могъ онъ преодолѣть врожденнаго отвращенія къ анатомическимъ опытамъ, то отецъ его принужденъ былъ записать его въ военную службу. И такъ въ 1757 году, имѣя только 13 лѣтъ отъ роду, началъ онъ служить съ унтеръ-офицерскихъ чиновъ; былъ въ Прусскихъ и Турецкихъ походахъ; но увидя, какъ самъ часто сказывалъ, что изъ анатомической залы попалъ онъ на обширный хирургическій театръ, пере-

шелъ въ 1769 году изъ Поручиковъ въ Гиттенъ-Фервалтеры при Горномъ Кадетскомъ Корпусѣ. А какъ во всѣхъ званіяхъ старался онъ исполнять долгъ свой со всевозможнымъ раченіемъ и прилѣжностію, то скоро и здѣсь снискалъ довѣренность и любовь своихъ начальниковъ. Въ 1776 году имѣлъ случай сотоварищество-вать въ чужіе краи одному изъ своихъ благодѣтелей. Проѣзжая Нѣмецкую землю, находилъ вездѣ трудолюбивыхъ пчелъ; въ Голландіи видѣлъ только деньги и движущіеся сундуки; во Франціи.... нестарѣющуюся легкомысленность. По возвращеніи въ отечество, прилѣпился онъ съ большею ревностію къ словесности Россійской. Въ 1778 году издалъ первыя свои Бани; а черезъ три года потомъ, въ другомъ изданіи, прибавилъ къ онымъ вторую часть. — Въ 1781 году, когда одинъ изъ главныхъ начальниковъ и благодѣтелей его оставилъ службу,

пошелъ и онъ Коллежскимъ Совѣтникомъ въ отставку. Но какъ кромѣ жалованья ничего къ пропитанію своему не имѣлъ, то принужденъ былъ опредѣлиться Генеральнымъ Консуломъ въ Смирну. Выгоды, которыя доставляло сіе мѣсто, подавали ему надежду, что въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ можетъ онъ пріобрѣсть умѣренной достатокъ и обезпечить независимость свою. — Отъѣзжая, прощался онъ съ друзьями своими такъ, какъ будто бы предчувствовалъ, что не увидитъ ихъ больше.—Въ Сентябрѣ 1782 года прибылъ онъ въ Смирну. Можетъ статься перемѣщеніе изъ холоднаго Сѣвера на знойный Югъ, стало причиною разстройки въ его здоровьѣ; но безъ сомнѣнія главнѣйшею тому виною было удаленіе отъ друзей, которыхъ общество сдѣлалось истинною его стихіею. Погруженый въ уныніе, долго боролся онъ съ болѣзнями и смертью; но напослѣдокъ истоща силы,

скончался 1784 года Марта въ 20 день.

Теперь извѣстны читателямъ скромныя произшествія его жизни.—Нравъ и образъ мыслей во всемъ соотвѣтствовали онымъ, съ тою притомъ странностію, что онъ совершенно сходствовалъ ими съ Лафонтеномъ, любимымъ въ басняхъ руководителемъ его и примѣромъ: то же добродушіе, та же слѣпая увѣренность въ друзьяхъ, нерасторопность и всегдашняя разсѣянность мыслей. — Въ Парижѣ, напримѣръ, во время представленія трагедіи Танкреда, когда Лекенъ показался, то пораженный величественною осанкою его, онъ всталъ, поклонился, и тогда только примѣтилъ странность поступка своего, какъ весь партеръ захохоталъ.

Нѣкто изъ благодѣтелей его, къ которому имѣлъ онъ великое уваженіе, разсказывалъ ему по утру одно любопытное произшествіе. При концѣ

обѣда пришло оно сочинителю на мысль, который, забывъ о прошедшемъ, сталъ за ново разсказывать повѣсть сію тому самому, отъ кого оную слышалъ. Нѣкто изъ его друзей далъ ему это примѣтить: онъ встревожился, и въ торопливости вмѣсто платка положа въ карманъ салфетку, лишь встали изъ-за стола, бросился бѣжать вонъ. Другъ желаетъ остановить его, но безполезно. *Ты вѣчно меня въ дурачество вводишь,* говорилъ онъ ему съ сердцемъ: *если бы ты сегодня не привезъ меня сюда, тобъ я не сдѣлалъ этой глупости.* — Другъ старается представить ему, что онъ еще большую дѣлаетъ непристойность; но онъ ничего не слушалъ и бѣжалъ вонъ. — Тогда вдогонку совѣтовалъ ему другъ его, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ не уносилъ бѣлья чужаго. — Слова сіи заставили его опомниться

на улицѣ: онъ хватился за карманъ, вынулъ салфетку, и развернувъ ее, стоялъ въ недоумѣніи и страхѣ, чтобъ впрямъ не быть приличену въ воровствѣ.—Хохотъ хозяина и всѣхъ гостей, стоявшихъ на балконѣ, вывелъ его наконецъ изъ сомнѣнія. Сердце его прошло; онъ возвратился, и самъ помогалъ пріятелямъ своимъ смѣяться надъ собою.

Сіи черты могутъ дать читателямъ нѣкоторое понятіе о странностяхъ его и о всегдашнемъ разсѣяніи мыслей, противорѣчущемъ тонкой замѣчательности, во многихъ басняхъ обнаруженной. Болѣе распространяться о немъ повѣстію, скромность дружеству не позволяетъ: опасаясь, чтобы пріятное о немъ воспоминаніе не показалось читателямъ скучнымъ и вниманіе ихъ недостойнымъ.

О достоинствѣ вообще сихъ басенъ и сказокъ, въ сравненіи съ сочиненіями такого же рода, нѣтъ нужды

говоришь: ибо перо, дружествомъ водимое, можешъ показашься пристрастнымъ, и чишашели одни шолько имѣюшъ право судишь о цѣнѣ и о преимуществѣ словесныхъ шворенiй.

БАСНИ И СКАЗКИ.

I.

ДЕРЕВО.

Стояло дерево въ долинѣ
И на судьбу свою пеняя, говоритъ:
За чѣмъ оно не на вершинѣ
Какой нибудь горы стоитъ,
И тожъ да то же все Зевесу докучаетъ.
Зевесъ, которой всѣмъ на свѣтѣ управляетъ,
Неудовольствіе отъ дерева внимаетъ,
И говоритъ ему:
Добро, перемѣню твое я состоянье
Ко угожденью твоему.
И далъ Вулкану приказанье
Долину въ гору премѣнить;
И такъ подъ деревомъ горою мѣсто стало.
Довольнымъ дерево тогда казалось быть,
Что на горѣ стояло.

Вдругъ на лѣса Зевесъ за что-то гнѣвенъ сталъ,
И въ гнѣвѣ приказалъ
Всѣмъ вѣтрамъ на лѣса пуститься.
Ужъ дѣйствуетъ свирѣпыхъ вѣтровъ власть,
Колеблются лѣса, листы столпомъ крутятся,
Деревья ломятся, валятся,
Все чувствуетъ свою погибель и напасть;

И дерево теперь, стоявши на вершинѣ,
Трепещетъ о своей судьбинѣ;
Счастливы, говоритъ:
Деревья, что стоятъ въ долинѣ!
Ихъ буря столько не вредитъ.
И только это лишь сказало,
Изъ корня вырванно упало.

Мнѣ кажется легко изъ басни сей понять,
Что страшно иногда на высотѣ стоять.

II.

КОНЬ и ОСЕЛЪ.

Конь всадникомъ гордясь,
И выступкой храбрясь,
Рѣзвился,
И какъ-то оступился.
На ту бѣду Оселъ случился,
И говоритъ Коню: ну, если бы со мной
Грѣхъ сдѣлался такой!
Я ходя цѣлой день ни разу не спошкнулся;
Да полно я и берегуся. —
Тебѣ ли говорить!
Конь отвѣчалъ Ослу: и ты тудажъ несешься!
Твоею выступкой ходить,
И ввѣкъ не спошыкнешься.

4

III.

УМИРАЮЩІЙ ОТЕЦЪ.

Жилъ былъ отецъ,
И были у него два сына:
Одинъ сынъ былъ уменъ, другой сынъ былъ глупецъ.
Отцова настаетъ кончина,
И видя свой конецъ,
Отецъ
Тревожится, скучаетъ,
Что сына умнаго на свѣтѣ покидаетъ.
И говоритъ ему: ахъ, сынъ любезной мой!
Съ какой
Тоской
Я разстаюсь съ тобой.
Что умнымъ я тебя на свѣтѣ покидаю,
И какъ ты проживешь не знаю.
Послушай, продолжалъ: тебя я одного
Наслѣдникомъ всего
Имѣнья оставляю,
А брата твоего
Я отъ наслѣдства отрѣшаю:
Оно не нужно для него.

Сынъ усомнился и не знаетъ
Какъ рѣчь отцову разсудитъ.

5

Но наконецъ отцу о брашѣ представляетъ;
А брату чѣмъ же жить,
Когда мнѣ одному въ наслѣдство
Съ его обидою имѣнье получить?
О братѣ нѣчего, сказалъ отецъ, тужить;
Дуракъ ужъ вѣрно сыщетъ средство
Счастливымъ въ свѣтѣ быть.

IV.

СКВОРЕЦЪ и КУКУШКА.

Скворецъ изъ города, гдѣ въ клѣткѣ онъ сидѣлъ,
На волю улетѣлъ.
Къ нему съ вопросами Кукушка приступила,
И говорила:
Скажи пожалуй мнѣ, что слышалъ ты объ насъ;
И городу каковъ нашъ голосъ показался?
Я думаю, что вѣдь не разъ
Объ этомъ разговоръ случался.
О Соловьѣ какая рѣчь идетъ? —
„На похвалу его и словъ не достаетъ.“
О Жаворонкѣ чтожъ? Кукушка повторяетъ.
„Весь городъ и его немало похваляетъ.“
А о Дроздѣ?
„Да хвалятъ и его, хотя и не вездѣ.“
Позволишь ли ты мнѣ, Кукушка продолжала:
Тебя еще однимъ вопросомъ утрудить;
И обо мнѣ, мой другъ, что слышалъ ты? спросить.
Весьма-бъ я знать о томъ желала:
И я таки пѣвала. —
„А про тебя, когда всю истину сказать,
„Ни гдѣ ни слова не слыхать.“
Добро! Кукушка тутъ сказала:
Такъ стану же я всѣмъ за это зло платить,
И о себѣ сама все буду говорить.

V.

СТРОИТЕЛЬ.

Что можешь начинать теперь,
Теперь и начинать старайся.
Лишь настоящему ты вѣрь,
На завтрее не полагайся.

Построить нѣкто домъ желалъ,
И нужные къ тому сбирать припасы сталъ;
И собралъ ужъ не мало.
Построить долго ли? лиха бѣда начало.
Проходитъ день за днемъ, за годомъ годъ идетъ;
А все строенья нѣтъ:
Все нашъ строитель отлагаетъ
Строенье до другаго дни.
Внезапно смерть пришла: строитель оставляетъ
Припасы лишь одни.

VI.

ОТЕЦЪ и СЫНЪ ЕГО.

Жилъ, былъ отецъ, имѣлъ онъ сына;
А сынъ его ужъ былъ дѣтина.
Онъ сыну говоритъ: пора, мой сынъ! пора,
Для твоего добра
Тебѣ жениться.
Къ тому же, дитятко! у насъ одинъ ты сынъ;
Да и во всей сѣмьѣ остался ты одинъ.
Когда не женишься, весь родъ нашъ прекратится,
Такъ и для этаго ты долженъ бы жениться.
Ужъ я не разъ о томъ говаривалъ съ тобой
И напрямикъ и стороной,
А ты мнѣ все въ отвѣтъ другое, да другое;
Помилуй, что такое?
Я право говорить объ этомъ ужъ усталъ.
„Охъ, батюшка! давно и самъ я разсуждалъ,
„Что мнѣ пора рѣшиться;
„И я ужъ радъ жениться,
„Какъ скоро лишь примѣръ найду,
„Чтобъ жили мужъ съ женой въ ладу."

VII.

ГАДАТЕЛЬ.

Дѣтина молодой хотѣлъ узнать впередъ,
Счастливо-ль онъ, иль нѣтъ,
На свѣтѣ проживетъ?
О чемъ не рѣдкой размышляетъ
И любопытствуетъ узнать.
И для того велѣлъ гадателя призвать,
И что съ нимъ сбудется? его онъ вопрошаетъ.
Гадатель былъ старикъ, людей и свѣтъ онъ зналъ.
Дѣтинѣ этому печально отвѣчалъ:
Не много жизнь твоя добра предвозвѣщаетъ.
Ты къ счастью, кажется, на свѣтѣ не рожденъ:
Ты честенъ и уменъ.

VIII.

МУЖИКЪ и КОРОВА.

Коня у мужика не стало,
Такъ онъ корову осѣдлалъ;
А самъ о томъ не разсуждалъ,
Что говорятъ сѣдло коровѣ не пристало;
Но не смотря на то онъ на корову сѣлъ;
За тѣмъ, что вдаль пѣшкомъ идти не захотѣлъ.
Онъ сѣлъ, корову понукаетъ;
Корова только лишь подъ сѣдокомъ шагаетъ.
Сѣдокъ корову погоняетъ;
Корова выступкой все тою же ступаетъ,
И только лишь подъ нимъ пыхтитъ.
Сѣдокъ имѣвъ въ рукахъ не хлыстикъ, а дубину,
Корову понуждалъ какъ вялую скотину,
Считая, что она отъ палки побѣжитъ.
Корова пуще лишь пыхтитъ,
Потѣетъ и крехтитъ.
Сѣдокъ удары утрояетъ;
Корова все шагаетъ,
А рыси, хоть убей,
Такъ нѣтъ у ней.
Корова наконецъ подъ сѣдокомъ свалилась.
Не мудрено: скакать корова не родилась.
А потому и должно знать:
Кто ползать родился, тому ужъ не летать.

IX.

ДВА СОСѢДА.

Худой миръ лучше доброй ссоры,
Пословица старинна говоритъ;
И каждой день намъ тожъ примѣрами твердитъ:
Какъ можно не вплетаться въ споры;
А если и дойдетъ нечаянно до нихъ,
Не допуская вдаль, прервать съ начала ихъ;
И лучше до суда хоть кой какъ помириться,
Чѣмъ дѣло выиграть, и вовсе просудиться,
Иль споря о грошѣ всѣмъ домомъ раззориться.

На дворъ чужой свинья къ сосѣду забрела;
А со двора потомъ и въ садъ его зашла.
Въ саду бѣдъ пропасть накутила:
И гряду цѣлую изрыла.
Встревожился весь домъ,
И въ домѣ бѣганье, содомъ.
Собакъ, собакъ сюда, домашніе кричали.
Изъ избъ всѣ люди побѣжали,
И свинью ну травить:
Швырять въ нее, гонять и бить;
Со всѣхъ сторонъ на свинью напустили;
Полѣньями ее, метлами, кочергой;
Тотъ шапкою швыркомъ, другой ее ногой:
Обычай на Руси такой.—
Тутъ лай собакъ, и визгъ свиной,
И крикъ людей, и стукъ побой,

Такую кашу заварили,
Чтобъ и хозяинъ самъ бѣжалъ съ двора долой;
И люди травлю тѣмъ рѣшили,
Что свинью наконецъ убили.
Охотники тѣ люди были!
Сосѣды въ тяжбу межъ собой;
Непримиримая между сосѣдовъ злоба;
Огнемъ другъ на друга сосѣды дышутъ оба:
Тотъ проситъ на того за садъ изрытой свой;
Другой что свинью затравили,
И первой говорилъ:
Я живъ быть не хочу, чтобъ ты не заплатилъ,
Что у меня ты садъ изрылъ.
Другой же говорилъ:
Я живъ быть не хочу, чтобъ ты не заплатилъ,
Что свинью у меня мою ты затравилъ.
Хоть виноваты оба были,
Но кстати-ль чтобъ они другъ другу уступили;
Нѣтъ, мысль ихъ не туда:
Во чтобъ ни стало имъ, хотятъ искать суда.
И подлинно суда искали,
Пока всѣ животы къ судьямъ перетаскали.
Не стало ни кола у истцовъ, ни двора;
Тогда имъ судьи говорили:
Мы дѣло ваше ужъ рѣшили;
Для пользы вашей и добра
Мириться вамъ пора.

X.

ТѢНЬ МУЖА и ХАРОНЪ.

Красавицы! ужь ли вы будете сердиться
За що, что вамъ теперь хочу я разсказать?
Вѣдь слава добрыхъ тѣмъ никакъ не уменьшится,
Когда однѣхъ худыхъ я стану осуждать.
А право мочи нѣтъ молчать:
Инымъ мужьямъ житья отъ женъ своихъ не стало;
А этакъ поступать вамъ право не пристало.

Жилъ мужъ, жила жена,
И наконецъ скончались оба;
Да только въ разны времена
Имъ отворились двери гроба:
Жена скончалась напередъ;
Потомъ и мужъ, проживъ не помню сколько лѣтъ,
Скончался.
Какъ съ свѣтомъ здѣшнимъ онъ разстался,
То къ той рѣкѣ приходитъ онъ,
Гдѣ перевозитъ тѣхъ Харонъ,
Которы свѣтъ сей оставляютъ.
А за рѣкою той, піиты увѣряютъ:
Одна дорога въ рай, другая въ адъ ведетъ.
Харонъ тѣнь мужнюю везетъ,
И какъ черезъ рѣку они переѣзжаютъ,
Тѣнь говоритъ: Харонъ! куда моя жена
Тобою перевезена,

Въ рай или въ адъ? „Въ рай." Можно-ль статься?
Меня куда-жъ везешь?" Туда-жъ гдѣ и она."
Ой, нѣтъ; такъ въ адъ меня. Я въ адѣ радъ
остаться,
Чтобъ съ нею вмѣстѣ лишь не жить.
„Нѣтъ, нѣтъ; мнѣ надъ тобой хотѣлось под-
шутить:
„Я въ адъ ее отвезъ. Ей кстати въ адѣ быть,
„И съ дьяволами жить и знаться;
„И въ свѣтѣ вѣдь она
„Была прямая сатана!"

XI.

КАЩЕЙ.

Какой-то былъ Кащей и денегъ тьму имѣлъ;
А сказывалъ онъ самъ, что онъ разбогатѣлъ
Не криводушно поступая,
Не грабя и не раззоряя.
Нѣтъ, онъ божился въ томъ,
Что Богъ ему послалъ такой достатокъ въ домъ,
И что никакъ онъ не боится
Противу ближняго въ неправдѣ обличиться.
А чтобы Господу за милость угодить,
И къ милосердію и впредь Его склонить,
Или чтобъ совѣсть успокоить,
Кащею вздумалось для бѣдныхъ домъ построить.
Домъ строютъ, и почти достроили его.
Кащей мой домъ свой посѣщаетъ;
Смотря онъ на него,
Любуется и разсуждаетъ:
Какую бѣднымъ онъ услугу показалъ,
Что имъ пристанище построить приказалъ!
Такъ внутренно Кащей мой домомъ веселится,
Какъ нѣкто мимо проходилъ.
У незнакомаго съ восторгомъ онъ спросилъ:
Довольно, кажется, тутъ бѣдныхъ помѣстится?
„Довольно здѣсь ихъ можетъ жить;
„Но всѣхъ хозяину сюда не помѣстить,
„Которыхъ по міру заставилъ онъ ходить.

XII.

КРЕСТЬЯНИНЪ съ НОШЕЮ.

Сколь часто служитъ въ пользу намъ,
Что мы вредомъ себѣ считаемъ!
Сколь часто на судьбу богамъ
Неправой жалобой скучаемъ!
Сколь часто счастіе несчастіемъ зовемъ,
И благо истинно, считая зломъ, клянемъ!
Мы вѣчно умствуемъ и вѣчно заблуждаемъ.

Крестьянинъ нѣкакой путемъ дорогой шелъ,
И ношу на плечахъ имѣлъ,
Которая его ужъ такъ отяготила,
Что на пути остановила.
Провалъ бы эту ношу взялъ,
Крестьянинъ проворчалъ:
Я эту ношу
Сброшу,
И налегкѣ безъ ноши я пойду;
Добра я этаго вездѣ, куда приду,
Найду. —
А ноша та была кошель набитой сѣномъ;
Но мужику она казалась горькимъ хрѣномъ.
Сталъ нашъ крестьянинъ въ пень, не знаетъ
что начать;
Однако вздумалъ отдыхать,

И мыслишъ: отдохнувъ не много, поплетуся;
Авось-либо дойду,
Хошь съ ношею пойду;
Бышь шакъ, добро, пущуся. —

Пошелъ крестьянинъ въ путь и ношу взялъ съ собой.
А надобно здѣсь знать, что было то зимой,
Когда лишь только рѣки стали,
И снѣги льда еще не покрывали.
Лежитъ крестьянину дорога черезъ ледъ.
Крестьянинъ ничего не думавши идетъ:
Вдругъ поскользнувшись онъ свалился;
Однако же упалъ на ношу безъ вреда.

Близка была бѣда!
Крестьянинъ! вѣрно-бъ ты убился,
Когда бы ношу взять съ собою по. нился.

XIII.

ДВА СѢМЕЙСТВА.

Уже изъ давнихъ лѣтъ замѣчено у всѣхъ:
Гдѣ ладъ, тамъ и успѣхъ;
А отъ раздора все на свѣтѣ погибаетъ.
Я правду эту вновь примѣромъ докажу;
Картины Грёзовы я сказкой разскажу:

Одна счастливую сѣмью изображаетъ,
Другая же сѣмью несчастну представляетъ.
Сѣмействомъ счастливымъ представленъ мужъ
съ женой,
Плывущія съ дѣтьми на лодочкѣ одной
Такой
Рѣкой,
Гдѣ камней и мѣлей премножество встрѣчали,
Которы трудности сей жизни представляли.
Согласно мужъ съ женой,
Своею лодкой управляя,
Счастливо къ берегу межъ камнями плывутъ.
Сама любовь въ лицѣ грести имъ пособляя,
Ихъ тяжкой облегчаетъ трудъ.
Спокойно въ лодочкѣ ихъ дѣти почиваютъ.
Покой и счастіе дѣтей,
Въ заботной жизни сей
Труды отцовски награждаютъ.

Другимъ сѣмействомъ тожъ представленъ мужъ
съ женой,
Плывущія съ дѣтьми на лодочкѣ одной
Такою же рѣкой,
Гдѣ камней и мѣлей премножество встрѣчаютъ.
Но худо лодка ихъ плыветъ;
Съ женой у мужа ладу нѣтъ:
Жена весло свое бросаетъ,
Сидитъ, не хочетъ помогать,
Отъ камней лодку удалять.
Любовь летитъ отъ нихъ и вздорныхъ оставляетъ.
А мужа одного напрасенъ тяжкій трудъ;
И криво съ лодкою и вкось они плывутъ.
Не даютъ дѣти ихъ покою,
И другъ у друга всякъ кусокъ послѣдній рвегъ.
Все хуже между нихъ часъ отъ часу идетъ:
Въ пучину быстриною
Ужъ лодку ихъ несетъ.

XIV.

СОВѢТЪ СТАРИКОВЪ.

Дѣтина старика какого-то спросилъ:
Чтобъ знатнымъ сдѣлаться, за чтобы мнѣ
приняться? —
„По совѣсти признаться,
Старикъ дѣтинѣ говорилъ:
Я право самъ не знаю
Какъ лучше бы тебѣ, дружокъ мой! присудить;
И сколько головы надъ этимъ ни ломаю,
Я только два пути могу тебѣ открыть
Какъ до чиновъ дойтить;
А больше способовъ не знаю.

Будь храбръ, мой другъ! иной
Прославился войной.
Все отложивъ тогда спокойство и забаву,
Трудами находить старался честь и славу;
И въ самомъ дѣлѣ то сыскалъ,
Чего сыскать желалъ.
Другой же знаніемъ глубокимъ,
Не родомъ знатнымъ и высокимъ,
Себя на свѣтѣ отличилъ;
Въ судахъ и при дворѣ, великъ и славенъ былъ.
Трудами все пріобрѣтаютъ;
Но въ томъ великія лишь души успѣваютъ.“

— Все это хорошо, дѣтина говорилъ:
Но если мнѣ тебѣ по совѣсти открыться,
Такъ я никакъ не вображалъ,
Чтобъ до чиновъ добиться
Ты столько трудностей мнѣ разныхъ насказалъ.
Мнѣ кажется, что ты ужъ слишкомъ судишь строго;
Полегче бы чего не льзя ли присудить? —

„Ужъ легче нѣтъ того какъ дуракомъ прожить
„А и глупцовъ чиновныхъ много.“

XV.

ХОЗЯИНЪ и МЫШИ.

Двѣ Мыши на одинъ какой-то дворъ попались,
И вмѣстѣ на одномъ дворѣ онѣ живутъ;
Но каждой жительства различныя достались,
А потому онѣ и разну жизнь ведутъ:
Одна Мышь въ житницу попала,
Другая Мышь въ анбаръ пустой.

Одна въ довольствѣ обитала,
Не видя нужды никакой.
Другая-жъ въ бѣдности живетъ и все горюетъ;
И на судьбину негодуетъ.
Съ богатой видится и съ нею говоритъ;
Но въ житницу ея попасть никакъ не можетъ,
И только тѣмъ однимъ сыта, что рухлядь
гложетъ.
Клянетъ свою судьбу, Хозяина бранитъ;
И наконецъ къ нему Мышь бѣдна приступила,
Сравнять ее съ своей подругою просила. —

Хозяинъ дѣло такъ рѣшилъ,
И Мыши говорилъ,
Котора съ жалобой своею приходила:
„Вы обѣ случаемъ сюда на дворъ зашли,
„И тѣмъ же случаемъ и разну жизнь нашли.
„Хозяину мышамъ не сдѣлать уравненье.

„И я скажу тебѣ:
„Анбаръ и житницу построилъ я себѣ
„На разное употребленье;
„А до мышей мнѣ нужды нѣтъ,
„Котора гдѣ и какъ живетъ.“

XVI.

ЛЖЕЦЪ.

Кто лгать привыкъ, тотъ лжетъ въ бездѣлицѣ
и въ дѣлѣ.
И лжетъ душа покуда въ тѣлѣ.
Ложь рай его, блаженство, свѣтъ:
Безъ лжи лгуну и жизни нѣтъ.
Я самъ лжеца такова
Зналъ,
Которой никогда не выговоритъ слова,
Чтобы при томъ онъ не солгалъ.

Въ то время самое, какъ опыты здѣсь были,
Что могутъ ли въ огнѣ алмазы устоять,
Въ бесѣдѣ нѣкакой объ этомъ говорили;
И всякъ по своему объ нихъ сталъ толковать:
Кто говоритъ: въ огнѣ алмазы исчезаютъ,
Что въ самомъ дѣлѣ было такъ.
Иные повторяютъ:
Изъ нихъ, какъ изъ стекла, что хочешь выли-
ваютъ.
И такъ
И сякъ
Объ нихъ твердятъ и разсуждаютъ:
Но что послѣднее не правда, знаетъ всякъ,
Кто Химіи хотя лишь нѣсколько учился.
Лжецъ тотъ, котораго я выше описалъ,
Не вытерпѣлъ и тутъ солгалъ;

Да, говоритъ: да такъ; я самъ при томъ случился;
(Лишь только что не побожился)
Какъ способъ тотъ нашли,
И до того алмазъ искусствомъ довели,
Что какъ стекло его теперь ужъ плавить стали;
А едакой алмазъ мнѣ самому казали,
Которой слишкомъ въ фунтъ изъ мѣлкихъ былъ
стопленъ. —
Одинъ въ бесѣдѣ той казался удивленъ,
И ложь безстыдную съ терпѣніемъ внимаетъ,
Плечами только пожимаетъ,
Принявши на себя тотъ видъ,
Что будто ложь его онъ правдою считаетъ.
Спустя дней нѣсколько лжецу онъ говоритъ:
„Какъ бишь великъ алмазъ тебѣ тогда казали,
Которой сплавили? я право позабылъ.
Въ фунтъ, кажется, ты говорилъ?“ —
Такъ точно въ фунтъ — лжецъ подтвердилъ.
„О, это ничего; теперь ужъ плавить стали
„Алмазы вѣсомъ въ цѣлой пудъ;
„А фунтовымъ алмазамъ тутъ
„И счетъ ужъ потеряли.“ —
Лжецъ видитъ, что за ложь хотятъ ему платить,
Ужъ вѣсу не посмѣлъ прибавить,
И лжей алмазъ побольше сплавить;
Сказалъ: ну, такъ и быть;
Фунтъ пуду долженъ уступить.

XVII.

БАРОНЪ.

Жилъ, былъ скупой богачъ, и у него одинъ
Былъ сынъ.
Отецъ его скончался;
Наслѣдства миліонъ молодчику достался;
И захотѣлъ сынокъ, имѣвши миліонъ,
Барономъ сдѣлаться, и сдѣлался Баронъ.
Баронство куплено; теперь задумалъ онъ
Быть сверхъ того еще и знатнымъ господиномъ,
И слыть Барономъ съ чиномъ.

Хоть знатныхъ онъ людей достоинствъ не имѣлъ,
Но все сбирался и хотѣлъ
Министромъ быть при Кабинетѣ,
Чтобъ въ царскомъ засѣдать Совѣтѣ,
Иль славнымъ Полководцемъ быть.
Баронъ! достоинства за деньги не купить. —
Но все Баронъ, не могъ рѣшиться
Къ чему бы лучше прилѣпиться,
Гдѣбъ больше чести доступить:
Въ Министры-ль добиваться,
Иль въ Полководцы попытаться?

И такъ въ намѣреньяхъ однихъ живетъ Баронъ;
А все достоинство Барона миліонъ.
Онъ удивленье былъ народовъ,
Толпою гайдуковъ своихъ и скороходовъ.

Доходами его почти весь городъ жилъ.
Онъ въ золото себя и слугъ всѣхъ обложилъ;
И ежели когда въ каретѣ проѣзжался,
То больше лошадей своихъ онъ величался.
Льстецамъ онъ покровитель былъ;
И ревностно тому служилъ,
Кто ползая предъ нимъ его о чемъ просилъ;
А кто поступки всѣ и вкусъ его хвалилъ,
Талантами его безстыдно восхищался,
Тотъ вѣрно помѣщенъ въ число друзей тѣхъ былъ,
Которые на счетъ Барона ѣли, пили,
Смѣясь, въ глаза его хвалили;
И въ тотъ же самой часъ мѣшки его счечили,
Какъ увѣряли всѣ его,
Что противъ глазъ такихъ, какіе у него,
И Аргусовы ничего.

На долго-ль мопу миліона?
Ему другаго нѣтъ закона,
Какъ только чтобъ по волѣ жить,
Своимъ богатствомъ величаться,
Страстямъ и прихотямъ служить.

Баронъ нашъ пересталъ ужъ больше добиваться
Министромъ, Полководцемъ быть;
И только къ роскоши развратной прилѣпился:
Пилъ, ѣлъ и веселился.
А какъ весь миліонъ Бароновъ истощился,
То сталъ опять Баронъ
Ничто, какъ былъ и прежде онъ.

Безъ денегъ онъ отъ всѣхъ оставленъ очутился;
И доказалъ своимъ житьемъ
Баронъ нашъ правду эту всѣмъ,
Что дѣтямъ только зла родители желаютъ,
Когда лишь имъ одно богатство оставляютъ:
Богатство пагуба и вредъ
Тому, въ комъ воспитанья нѣтъ.

Грав. Н. Петровъ.

XVIII.

МЕДВѢДЬ ПЛЯСУНЪ.

Плясать Медвѣдя научили,
И долго на цѣпи водили;
Однако какъ-то онъ ушелъ,
И въ родину назадъ пришелъ.
Медвѣди земляка лишь только что узнали,
Всѣмъ по лѣсу объ немъ, что тутъ онъ, промычали;
И лѣсъ лишь тѣмъ наполненъ былъ,
Что всякъ другъ другу говорилъ:
Вѣдь Мишка къ намъ опять явился.
Откуда кто пустился,
И къ Мишкѣ безъ души медвѣди всѣ бѣгутъ.
Другъ передъ другомъ Мишку тутъ
Встрѣчаютъ,
Поздравляютъ,
Цѣлуютъ, обнимаютъ;
Не знаютъ съ радости, что съ Мишкою начать,
Чѣмъ угостить и какъ принять.
Гдѣ! развѣ торжество такое,
Какое
Ни разсказать,
Ни описать!
И Мишку всѣ кругомъ обстали.
Потомъ просить всѣ Мишку стали,
Чтобъ похожденье онъ свое имъ разсказалъ.
Тутъ все, что только Мишка зналъ,

Разсказывать имъ сталъ;
И между прочимъ показалъ
Какъ на цѣпи плясалъ.
Медвѣди плясуна искуство всѣ хвалили,
Дивилися, превозносили;
И каждый силу всю свою употреблялъ,
Чтобъ также проплясать, какъ и плясунъ плясалъ.
Однако сколько ни старались,
И сколько всѣ ни умудрялись,
И сколько ни кривлялись,
Не только чтобъ плясать,
Насилу такъ какъ онъ могли на лапы встать.
Иной, такъ со всѣхъ ногъ тупъ о землю хватился,
Когда плясать было пустился;
А Мишка видя то
И вдвое умудрился,
И зрителей своихъ поставилъ всѣхъ въ ничто.
Тогда на Мишку напустили,
И ненависть и злость искуство все затьмили.
На Мишку окрикъ всѣ: „прочь, прочь отсель сей часъ.
Скотина едака умнѣй быть хочетъ насъ!“
И всѣ на Мишку нападали,
Нигдѣ проходу не давали;
И столько Мишку стали гнать,
Что Мишка принужденъ бѣжать.

XIX.

ОРЛЫ.

Съ начала всяко дѣло строго
И въ строку такъ идетъ,
Что и приступу нѣтъ;
А тамъ перегодя немного
Пошло и вкриво все и вкось,
И отъ часу все хуже, хуже;
Покуда наконецъ хоть брось.
Не знаю череду ведутъ ли люди ту же;
Но слово въ баснѣ сей
Про птицъ, не про людей.

Орлы когда-то всѣ рѣшились
Составить общество правленья межъ собой,
И сдѣлали уставъ такой,
Чтобъ прочія отъ нихъ всѣ птицы удалились,
Какъ недостойныя съ Орлами вмѣстѣ жить,
Судить,
Рядить,
Или въ дѣла Орловъ входить,
И словомъ: въ обществѣ одномъ съ Орлами быть.

И такъ живутъ Орлы храня уставъ свой строго,
И никакой изъ птицъ къ Орламъ приступу нѣтъ.
Прошло, не знаю сколько лѣтъ,
Однако помнится не много;

Вдругъ изъ Орловъ одинъ свой голосъ подаетъ,
Съ другими разсуждаетъ,
И вотъ что предлагаетъ:
„Хоть позволенія на то у насъ и нѣтъ,
Чтобъ съ нами въ обществѣ другія птицы жили,
Которы-бъ не одной породы съ нами были,
Достоинствъ равныхъ намъ
Орламъ
Отмѣнныхъ не имѣли,
Летать по нашему высоко не умѣли,
На солнце бы смотрѣть не смѣли;
Но какъ соколій вамъ извѣстенъ всѣмъ полетъ:
То думаю, что намъ онъ пользу принесетъ.
Такъ пусть и онъ при насъ живетъ;
Мнѣ кажется бѣды тутъ нѣтъ. —
И впрямъ, Орлы на то сказали:
Его полетъ . . . .
А сверхъ того одинъ Соколъ куда нейдетъ.
И Сокола принять позволить приказали.
Потомъ, спустя еще, не знаю сколько лѣтъ,
Ужъ также и Соколъ свой голосъ подаетъ:
Что пользы Ястребъ тожъ не мало принесетъ,
И нужнымъ признаетъ,
Чтобы Орлы благоволили
И Ястреба принять. —
Но тутъ было Орлы сперва поусомнились,
Хотѣли отказать;
Однако наконецъ рѣшились,
Чтобъ позволенье дать
И Ястреба въ ихъ общество принять.
Потомъ и Ястребъ тожъ Орламъ сталъ представлять:

Что нужны птицы тѣ, другія,
Невѣдь какія,
Чтобъ разну должность отправлять.
Чтожъ? сдѣлался приказъ отъ самаго правленья,
Чтобъ птицамъ былъ пріемъ впередъ безъ представленья,
И вышло наконецъ, что въ общество Орловъ
Ужъ стали принимать и Филиновъ и Совъ.

XX.

УСМИРИТЕЛЬНЫЙ СПОСОБЪ.

Былъ у отца сынъ Малой молодой,
Шалунъ и бѣдокуръ такой,
Хоть голову кому, такъ радъ сорвать долой.
Какая только гдѣ проказа ни случится,
Нашъ Малой завсегда тутъ первымъ очутится.
Что, говоритъ отецъ: съ повѣсой мнѣ начать,
И чѣмъ его унять?
Однако чтобъ себя стыда и бѣдъ избавить,
А въ Маломъ жару поубавить,
Онъ способъ съ нимъ еще вотъ этотъ предпріялъ:
(Какъ матушка на то любезна ни косилась)
Въ Америку его на сколько-то послалъ.
Чтожъ, чѣмъ поѣздка та рѣшилась?
Ужъ ли смирнѣе Малой сталъ? —
Гдѣ! бѣшенымъ такимъ еще и не бывалъ,
И для того отецъ и дядя посудили,
Подумали и положили,
Что какъ пути въ немъ не видать,
Тобъ въ службу Малаго военную отдать.
Поплакали, погоревали,
И наконецъ его въ солдаты записали,
Что въ самомъ дѣлѣ для него
Казалося тогда полезнѣе всего:
Хоть межъ военными и всякіе бываютъ,

Но палкою они жить многихъ научаютъ;
А впрочемъ нужды въ этомъ нѣтъ,
Что столькожъ иногда уменъ и тотъ, кто бьетъ,
Какъ тѣ, которые побои принимаютъ. —
Однако Малаго и палка не беретъ.
Посылка за отцомъ, чтобъ въ полкъ ему явиться.
Нѣтъ, говорятъ: изволь назадъ ты сына взять,
И самъ какъ хочешь съ нимъ возиться;
А нашей мочи ужъ не стало больше биться. —
И велѣно отцу его назадъ отдать.
Теперь ужъ отъ него добра не ожидать. —
Но нѣтъ, скорехонько Дѣтину проучили.
Еще и мѣсяцъ не прошелъ,
Совсѣмъ Дѣтина присмирѣлъ.
„Да чѣмъ же Малаго такъ вдругъ перемѣнили?
„Ужъ ли въ тюрьму отецъ Дѣтину посадилъ?“ —
Нѣтъ лучше этаго его онъ проучилъ;
Женилъ.

XXI.

РЕБЯТА СВОЕВОЛЬНЫЕ.

Кто пожилыхъ людей слова пренебрежетъ,
И пылкой юности стремленью покорится,
Тотъ часто со вредомъ и поздно вразумится,
Сколь справедливъ людей испытанныхъ совѣтъ.

Ребята у моря со старикомъ гуляли,
И какъ-то на челнокъ напали,
Въ которой вздумали они и сами сѣсть,
И въ то же старика хотятъ ребята ввесть,
Чтобъ съ ними по морю не много прокатиться.
Но старику ли согласиться
Съ ребятами шалить?
Старикъ и ихъ увѣщаваетъ
Охоту эту отложить;
Ребятамъ живо представляетъ,
Что кончится игра бѣдой.
Ребятамъ нужды нѣтъ, хоть голова долой.
Чѣмъ больше убѣждалъ старикъ ѣзду оставить,
Тѣмъ больше на своемъ старался всякъ поста-
вить;
Старикъ еще ихъ унимать:
Эй право, вамъ не сдобровать;
Челнокъ вамъ на бѣду, повѣрьте мнѣ, я знаю;
Вѣдь вамъ же я добра желаю. —

„Пустое, старичокъ!
„Что слушаться его?" — А сами прыгъ въ
челнокъ,
И въ море наконецъ изъ виду удалились.

Тиха была вода, когда они пустились;
Но вдругъ поднялся вихрь, затьмила туча свѣтъ.
Челнокъ то въ верхъ, то въ низъ бросаетъ:
Ребята чтобъ назадъ; но вѣтеръ не пускаетъ.
Ребята чтобъ спастись; но ужъ спасенья нѣтъ;
Челнокъ вверьхъ дномъ и всѣхъ собою потопляетъ.

XXII.

ОСЕЛЪ НЕВѢЖА.

На встрѣчу Конь Ослу попался,
Гдѣ путь тѣсненекъ былъ.
Почтенья отъ Осла Конь этотъ дожидался,
Хотѣлъ, чтобъ онъ ему дорогу уступилъ.
Однако какъ Оселъ учтивству не учился,
И былъ такъ грубъ, какъ грубъ родился,
То прямо на Коня идетъ.
Конь вѣжливо Ослу: не льзя ль посторониться?
Чтобъ какъ нибудь намъ разойтиться;
Иль дай пройти мнѣ напередъ. —
Однако же Оселъ невѣжей выступаетъ,
Коню проходу не даетъ.
Конь видя это, самъ дорогу уступаетъ,
Сказавъ: добро, изволь ты прежде проходить.
Я не намѣренъ правъ твоихъ уничижить,
И первенства тебя ослинаго лишить.

XXIII.

СЧАСТЛИВЫЙ МУЖЪ.

Дѣтина по уши въ красавицу влюбился,
И наконецъ во что ни стало бы, рѣшился
Имѣть ее женой.
Не даромъ ею онъ плѣнился:
Красавицы еще не видано такой.
Да та бѣда, въ чемъ всякъ я чаю искусился,
Что у красавицъ всѣхъ обычай есть дурной:
Чѣмъ болѣе по нихъ вздыхаютъ,
Тѣмъ болѣе онѣ суровыми бываютъ.
Дѣтина это испыталъ.
Три года по своей красавицѣ вздыхалъ,
Стеналъ, страдалъ,
Терзался, рвался и крушился;
Однако же не могъ никакъ ее склонить.
Чтожъ? съ грусти наконецъ онъ странство-
вать пустился,
И для красавицы, (что можетъ злѣе быть)!
Въ дорогѣ съ Бѣсомъ подружился;
И на два года согласился
Себя ему закабалить
Съ тѣмъ, чтобъ его на ней женить.
У Бѣса тотчасъ все съ Дѣтиною рѣшилось:
Рукописанье Бѣсъ беретъ,
И слово честное даетъ;

Вдругъ изъ Орловъ одинъ свой голосъ подаетъ,
Съ другими разсуждаетъ,
И вотъ что предлагаетъ:
„Хоть позволенія на то у насъ и нѣтъ,
Чтобъ съ нами въ обществѣ другія птицы жили,
Которы-бъ не одной породы съ нами были,
Достоинствъ равныхъ намъ
Орламъ
Отмѣнныхъ не имѣли,
Летать по нашему высоко не умѣли,
На солнце бы смотрѣть не смѣли;
Но какъ соколій вамъ извѣстенъ всѣмъ полетъ:
То думаю, что намъ онъ пользу принесетъ.
Такъ пусть и онъ при насъ живетъ;
Мнѣ кажется бѣды тутъ нѣтъ. —
И впрямъ, Орлы на то сказали:
Его полетъ . . . .
А сверхъ того одинъ Соколъ куда нейдетъ.
И Сокола принять позволить приказали.
Потомъ, спустя еще, не знаю сколько лѣтъ,
Ужъ также и Соколъ свой голосъ подаетъ:
Что пользы Ястребъ тожъ не мало принесетъ,
И нужнымъ признаетъ,
Чтобы Орлы благоволили
И Ястреба принять. —
Но тутъ было Орлы сперва поусомнились,
Хотѣли отказать;
Однако наконецъ рѣшились,
Чтобъ позволенье дать
И Ястреба въ ихъ общество принять.
Потомъ и Ястребъ тожъ Орламъ сталъ пред-
ставлять:

Что нужны птицы тѣ, другія,
Невѣдь какія,
Чтобъ разну должность отправлять.
Чтожъ? сдѣлался приказъ отъ самаго правленья,
Чтобъ птицамъ былъ пріемъ впередъ безъ представленья,
И вышло наконецъ, что въ общество Орловъ
Ужъ стали принимать и Филиновъ и Совъ.

XXV.

БОГАЧЬ и БѢДНЯКЪ.

Сей свѣтъ таковъ, что кто богатъ,
Тотъ каждому и другъ и братъ.
Хоть не имѣй заслугъ, ни чина,
Хоть родомъ будь изъ конюховъ,
Дѣтина будешь какъ дѣтина.
А бѣдной будь хоть изъ Князей,
Хоть разумъ ангельской имѣй,
И всѣ достоинства достойнѣйшихъ людей,
Того почтенья не дождется,
Какое отъ всѣхъ богатымъ отдается.

Бѣднякъ въ какой-то домъ пришелъ.
Онъ знанье, умъ и чинъ съ заслугами имѣлъ,
Но Бѣдняка ни кто не только что не встрѣтилъ,
Никто и не примѣтилъ,
Иль, можетъ быть никто примѣтить не хотѣлъ.
Бѣднякъ нашъ то къ тому, то къ этому подходитъ;
Со всѣми разговоръ и такъ и сякъ заводитъ;
Но каждой Бѣдняку въ отвѣтъ:
Короткое, иль *да*, иль *нѣтъ*,
Привѣтствія ни въ комъ Бѣднякъ нашъ не находитъ;
Съ учтивствомъ подойдетъ, а съ горестью отходитъ.

Потомъ
За Бѣднякомъ
Богачъ пріѣхалъ въ тотъ же домъ.
Хоть ни заслугой, ни умомъ,
Ни чиномъ онъ не отличался:
Но только въ двери показался,
Сказать не льзя какой пріёмъ!
Всѣ встали передъ Богачомъ;
Всякъ Богача съ почтеніемъ встрѣчаетъ;
Всякъ стулъ и мѣсто уступаетъ;
И подъ руки его берутъ;
То тутъ,
То тамъ его сажаютъ;
Поклоны чуть ему земные не кладутъ,
И мѣры нѣтъ какъ величаютъ.

Бѣднякъ людей увидя лесть,
Къ Богатому неправу честь,
Къ себѣ неправое презрѣнье,
Вступилъ о томъ съ своимъ сосѣдомъ въ разсужденье.
За чѣмъ, онъ говоритъ ему:
Достоинствамъ, уму,
Богатство свѣтъ предпочитаетъ?
„Легко, мой другъ! понять:
„Достоинства не льзя занять,
„А деньги всякой занимаетъ."

XXVI.

ОБОЗЪ.

Шелъ нѣкогда обозъ;
А въ томъ обозѣ былъ такой престрашной возъ,
Что передъ прочими казался онъ возами,
Какими кажутся слоны предъ комарами.
Не возикъ и не возъ, возище то валитъ. —
Но чѣмъ сей баринъ—возъ набитъ? —
Пузырями.

XXVII.

ЛЕВЪ, УЧРЕДИВШІЙ СОВѢТЪ.

Левъ учредилъ Совѣтъ какой-то неизвѣстно;
И посадя въ него сочленами Слоновъ,
Прибавилъ больше къ нимъ Ословъ.
Хотя Слонамъ сидѣть съ Ослами и не вмѣстно,
Но Левъ не могъ того числа Слоновъ набрать,
Какому надлежало
Въ Совѣтѣ засѣдать.
Ну, чтожъ? пускай числа всего бы не достало,
Вѣдь этобъ не мѣшало
Дѣла производить. —
Нѣтъ, какъ же? а уставъ ужъ ли переступить?
Хоть будь Ослы судьи, лишь счетомъ бы ихъ стало.
А сверхъ того, какъ Левъ Совѣтъ сей учреждалъ,
Онъ эдакъ разсуждалъ,
И все надеждой льстился,
Что умъ Слоновъ
На разумъ наведетъ Ословъ.

Однако какъ Совѣтъ открылся,
Дѣла со всѣмъ другимъ порядкомъ потекли:
Ослы Слоновъ съ ума свели.

Конецъ первой части.

БАСНИ И СКАЗКИ.

Часть вторая.

БАСНИ И СКАЗКИ.

I.

ДВОРОВАЯ СОБАКА.

Жила у барина собака на дворѣ,
Въ такомъ довольствѣ и добрѣ,
Въ какомъ бывало жилъ чернецъ въ монастырѣ.
Всего же болѣ:
Жила на волѣ.
Сосѣдъ какой-то въ домъ ходилъ;
Собаку полюбилъ;
Да какъ достать ее не знаетъ:
Просить хозяина объ ней онъ не хотѣлъ;
Украсть ее—бездѣльствомъ счелъ.
Нѣтъ, надобно, онъ разсуждаетъ:
Честнѣе поступить,
И тонкимъ образомъ собаку ту сманить.
Бездѣльство тонкое бездѣльствомъ не считаетъ.
И всякой разъ, когда бывало ни придетъ,
Рѣчь о собакѣ заведетъ:
При ней самой ее какъ можно выхваляетъ.
Хозяину пенять начнетъ,
Что содержанье ей худое:
„Нѣтъ, у меня житье ей былобъ не такое;
„Инаго я куска и самъ бы ѣсть не сталъ,
„Да этой бы собакѣ далъ;

„Всегда бы спать съ собою клалъ.
„А у тебя она лишь кости подбираетъ,
„И какъ случится спитъ!“
Все, что сосѣдъ ни говоритъ,
Собака правдою считаетъ;
И думаетъ: а что, вѣдь можетъ быть и впрямъ
Еще мнѣ лучше будетъ тамъ;
Хоть хорошо и здѣсь.... отвѣдать бы пуститься;
А худо, и назадъ вѣдь можно воротиться.
Подумала, да и съ двора долой,
Къ сосѣду прямо прибѣжала.
Живетъ дней нѣсколько, и мѣсяцъ и другой.
Не только что куска того не получала,
Котораго, сосѣдъ сказалъ,
Не съѣлъ бы самъ, а ей бы далъ;
И костью съ нуждою случится
Собакѣ въ праздникъ поживиться.
Спать? хуже прежняго спала;
А сверхъ того еще привязана была.—

И по дѣломъ! за чѣмъ сбѣжала?
Впередъ собака знай, когда еще не знала,
Что многіе умѣютъ мягко стлать,
Да жостко спать.

Собаки добрыя съ двора на дворъ не рыщутъ,
И отъ добра добра не ищутъ.

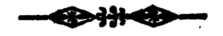
—⁂—

II.

ВЕЛИКАНЪ и КАРЛИКИ.

Купались Карлики; къ нимъ Великанъ пришелъ,
И тожъ хотѣлъ
Купаться;
Да видитъ, для него рѣка
Въ томъ мѣстѣ, гдѣ они купаются, мѣлка.
Ихъ спрашивать и добиваться:
Не знаютъ ли гдѣ глубина?—
Поди туда, ему сказали:
Вотъ тамъ она;
И мѣсто указали.—
Однако же рѣка
Для великана все мѣлка;
Не льзя ему купаться.
Еще у нихъ онъ добиваться.—
Ну! говорятъ: такъ тамъ такая глубина,
Что не найдешь и дна!
Мы черезъ это мѣсто плыли:
Но всё, гдѣ Карлики и дна не находили,
Въ бродъ переходитъ Великанъ.

Иному и въ дѣлахъ лужайка Океанъ.

III.

ВОЛЧЬЕ РАЗСУЖДЕНЬЕ.

Увидя Волкъ, что шерсть Пастухъ съ овецъ
стрижетъ,
Мнѣ мудрено, сказалъ: и я не понимаю,
За чѣмъ пастухъ со всѣмъ съ нихъ кожу не
деретъ?
Я, напримѣръ, такъ я всю кожу съ нихъ сдираю,
И тожъ въ иныхъ дворахъ господскихъ при-
мѣчаю.
За чѣмъ бы и ему не также поступать?—
Слонъ, Волчье слыша разсужденье,
Я долженъ, говоритъ, тебѣ на то сказать!
Ты судишь такъ какъ Волкъ; а Пастухово мнѣнье
Овецъ своихъ не убивать.
Съ тебя, да и съ господъ иныхъ примѣры брать,
Не будетъ наконецъ съ кого и шерсть сни-
мать.

IV.

ЖЕЛАНІЕ КАЩЕЯ.

„Вотъ этубъ тысячу мнѣ только докопить,
„А тамъ я стану жить,“
Сказалъ Кащей, давно ужъ тысячи имѣя.
Сбылось желаніе Кащея,
И тысячу онъ докопилъ.
Однако же Кащей все не доволенъ былъ:
„Нѣтъ тысячу еще; а ту когда достану,
„Я, право, болѣе желать уже не стану.“
Увидимъ: тысячу и эту онъ досталъ;
Однако слова не сдержалъ,
И тысячу еще желаетъ:
Но ужъ послѣднюю, въ томъ точно увѣряетъ.
Теперь онъ правду говорилъ:
Сегодни тысячу и эту докопилъ,
А завтре умеръ онъ; и все его имѣнье
Досталося по немъ другимъ на расточенье.

Когдабъ Кащей иной,
Доходъ пріумножая свой,
Еще сегодни догадался,
И пользоваться имъ старался.

V.

ПАУКЪ и МУХИ.

„Постой, Паукъ сказалъ:
Я чаю, что нашелъ причину,
За чѣмъ еще большой я мухи не поймалъ;
А попадается все мѣлочь: дай раскину
Пошире паутину;
А вось-либо тогда поймаю и большихъ.“
Разкинувъ нажидаетъ ихъ:
Все мѣлочь попадаетъ;
Большая муха налетитъ,
Прорвется и сама, и паутину мчитъ.
А это и съ людьми бываетъ,
Что маленькимъ, куда
Ни обернись, бѣда:
Воръ, напримѣръ, большой, хоть въ кражѣ попадется,
Выходитъ правъ изъ подъ суда;
А маленькой наказанъ остается!

—⁂—

VI.

ЧЕРВИ.

Прекраснымъ садомъ кто-то шелъ,
И въ немъ гнѣздо червей нашелъ.
А черви гадина такая
Въ саду, какъ язва моровая.
Какъ недруговъ такихъ
Найти, и не напасть на нихъ?
Не вытерпишь никакъ, чтобъ саду не вредили.
И тотъ, кто по саду ходилъ,
Взявъ палку, ихъ гнѣздо разрылъ.
Лишь только ихъ разворошили,
Всей кучею они на палку поползли,
Какъ будто-бы войной противъ нее пошли.
На палку куча наступала,
А палка между тѣмъ все кучу разрывала.

Сатирой тронь дурныхъ писцовъ,
Не оберешься бранныхъ словъ.

VII.

ПРИВЯЗАННАЯ СОБАКА.

Въ неволѣ неутѣшно быть:
Какъ не стараться
Свободу получить?
Да надобно за все подумавъ приниматься,
Чтобы бѣды большой отъ малой не нажить.

Собака привязи избавиться хотѣла,
И привязь стала было рвать;
Не рвется привязь: грызть ее....и переѣла.
Но тоюжъ привязью опять,
Которой связанны концы короче стали,
Короче прежняго Собаку привязали.

VIII.

ХИТРЕЦЪ.

Когда-то въ Лондонѣ Хитрецъ одинъ сыскался,
Которой публикѣ въ листочкахъ обѣщался,
Что въ узенькой кувшинъ, онъ весь, каковъ онъ
есть,
Съ руками
И съ ногами
Въ такой-то день намѣренъ влѣзть.
При чемъ кувшину онъ рисунокъ прилагаетъ;
Почтенныхъ зрителей покорно приглашаетъ
За входъ по стольку-то платить;
Начоло ровно въ шесть часовъ имѣетъ быть.

Пошли по городу листы. — „Ба! что такое?
„Въ кувшинъ залѣсть? что онъ съ ума сошелъ!
пустое!
„Гдѣ это слыхано? да и дуракъ пойметъ,
„Что способу тутъ нѣтъ;
„Хоть какъ ни сталъ бы онъ ломаться,
„Однако, чтобы посмѣяться,
„Пойдемъ и поглядимъ, что это за чудакъ.“—
Ужъ съ чернью въ запуски кареты поскакали;
И ѣдучи Купецъ съ Милордомъ доказали,
Что нѣтъ физической возможности никакъ
Ему въ кувшинѣ умѣститься.
Положимъ, говоритъ

Купеческа жена, что это онъ смудритъ,
И какъ нибудь въ кувшинъ втѣснится;
Да вотъ что мудрено: какъ въ шейку-то пролѣзть!
Однако же пора: ужъ безъ четверти шесть.
Эй, кучеръ! погоняй.—Полгорода собравшись,
Почти безъ памяти на тотъ кувшинъ глядитъ,
Которой Хитреца великаго вмѣститъ.—
Чтожъ, скоро ли? одинъ другому говоритъ:
Пора бы ужь начать.—Кто палкою стучитъ;
Кто топаетъ ногой.—Но долго дожидавшись
Узнали, что Хитрецъ и съ деньгами пропалъ.

Какихъ, подумаешь, обмановъ не бываетъ!
Тотъ тѣмъ, другой другимъ, обманщикъ промышляетъ.

Вотъ я у насъ такого зналъ,
Которой о себѣ въ народѣ насказалъ,
Что можетъ видѣться съ духами,
Всѣмъ ихъ показывать, и съ ними говорить;
Болѣзни всѣ лѣчить
Одними порошками.
И собирались тожъ къ нему смотрѣть духовъ,
И порошки его въ болѣзняхъ принимали:
Однако же духовъ, какъ слышно, не видали;
А отъ чудесныхъ порошковъ
Скорѣе, нежели отъ прочихъ, умирали.

IX.

СОЛОВЕЙ и ВОРОНЫ.

Кто какъ ни говори, что будто нѣтъ страстей
Въ животныхъ, какъ и межъ людей;
А зависть въ нихъ бываетъ,
И можетъ быть людской еще не уступаетъ.

Какъ свищетъ Соловей, извѣстно въ свѣтѣ всѣмъ;
Что много говорятъ объ немъ!
Но вздумай на него воронья чернь озлиться,
Изъ зависти, что онъ, когда ни запоетъ,
Пріятнымъ пѣніемъ людей къ себѣ влечетъ.
Намъ должно, говорятъ другъ другу, согласиться,
Чтобъ Соловью не дать ужъ больше отличиться:
Всѣ вмѣстѣ запоемъ, когда онъ пѣть начнетъ,
То голосъ тутъ его за нашимъ пропадетъ;
А если и тогда надъ нами верьхъ возметъ,
Такъ будемъ мы кричать, что дурно онъ поетъ,
Всѣмъ тѣмъ, кто станетъ имъ прельщаться.
Что долго ли ему и впрямъ торжествовать,
А намъ съ стыдомъ предъ нимъ Воронамъ оставаться?—
И только Соловей свистать,
Воронье стадо ну кричать!
Но голосъ Соловья не только не терялся,
Еще пріятнѣе по рощѣ раздавался.

Другой бы голосъ, можетъ быть....
Да голосъ Соловья хотѣли заглушить!
Теперь хотѣлъ бы я спросить:
Кого съ Воронами поставить здѣсь въ сравненье?—

Мое простое мнѣнье:
Къ нимъ сочинителей иныхъ бы примѣнить.

X.

ОПЛОШАЛАЯ ЛИСИЦА.

Лисица много норъ съ отнорками имѣетъ,
И какъ о томъ одинъ ученой разумѣетъ,
Такъ это для того: когда пришла бѣда,
Что надобно бѣжать, такъ было бы куда.

Одна какая-то Лисица оплошала,
Такъ что съ отнорками норы не прокопала.
Казалось ей норы довольно и глухой.
Я думаю, что лѣнь была тому виной;
А лѣнь частехонько бываетъ намъ бѣдой.
Охотники въ норѣ Лисицу ту застали,
Куда? нѣтъ выходу! и въ ней ее поймали.

Когда съ Лисицы вдругъ о людяхъ говоришь,
Какъ впрямь того не похвалишь,
Кто съ осторожностью и въ службѣ посту-
паетъ,
Что напередъ себя мѣстами запасаетъ?—
Сталъ новой командиръ изъ мѣста выживать,
Другое есть, куда пристать.
Хоть впрочемъ иногда случится,
Гдѣ статской чинъ сидѣлъ, военной очутится.
Да дѣло здѣсь о томъ:—когда пришла бѣда,
Что надобно бѣжать, такъ было бы куда.

XI.

МАЛЬЧИКЪ и ПТИЧКА.

Всѣ полководцы утверждаютъ,
Что хитростью подъ часъ и силу побѣждаютъ.
А это точно такъ.—Пришедши Мальчикъ въ лѣсъ,
Гнѣздо на деревѣ увидѣлъ и полѣзъ,
Чтобъ вынуть молодыхъ. Лишь только мать успѣла
Увидѣть Мальчика, то чтобъ спасти дѣтей,
Тотчасъ долой съ гнѣзда слетѣла,
И притвориться такъ умѣла,
Что будто чуть жива;—а Мальчикъ тутъ за ней,
Покинувши гнѣздо, гоняться
Съ тѣмъ, что когда поймаетъ мать,
Дѣтей успѣетъ онъ достать.
Лишь Мальчикъ станетъ приближаться,
Она впередъ все, да впередъ;
То кой какъ пробѣжитъ немного; то вспорхнетъ.
Такъ Мальчика она манила, все манила,
И отъ гнѣзда его подалѣ отводила,
Пока онъ отъ нея отсталъ;
А дерева съ гнѣздомъ ужъ больше не сыскалъ.

XII.

ДОМОВОЙ.

Пусть люди бы житья другъ другу не давали;
Да ужъ и черти тожъ людей тревожить стали!

Хозяинъ, говорятъ, одинъ какой-то былъ,
Которому отъ Домовова
Покою не было въ томъ домѣ, гдѣ онъ жилъ:
Что ночь, то Домовой пугать его ходилъ.
Хозяинъ, чтобъ спастись несчастія такова,
Все дѣлалъ, что онъ могъ: и ладономъ курилъ;
Молитву отъ Духовъ творилъ,
Себя и весь свой домъ крестами оградилъ;
Ни двери, ни окна Хозяинъ не оставилъ,
Чтобъ мѣломъ крестика отъ Чорта не поставилъ;
Но ни молитвой, ни крестомъ,
Онъ отъ Нечистаго не могъ освободиться.

Случилось Стихотворцу въ домъ
Къ Хозяину переселиться.
Хозяинъ радъ, что есть съ кѣмъ скуку раздѣлить;
А чтобъ смѣлѣе быть,
Когда Нечистой появится,
Зоветъ онъ Автора съ нимъ вечеръ проводить,
И проситъ сдѣлать одолженье
Прочесть ему свое творенье.

И стихотворецъ въ угожденье,
Одну изъ слезныхъ драмъ Хозяину читалъ,
(Однако имя ей комедіи давалъ),
Которою хотя Хозяинъ не прельщался,
Да Сочинитель восхищался.
Нечистой Духъ, какъ часъ насталъ,
Хозяину хоть показался,
Но и явленія не выждалъ одного:
По кожѣ подрало его,
И стало не видать.—Хозяинъ догадался.
Что Домовой чего-то не взлюбилъ,
Другаго вечера дождавшись посылаетъ,
Чтобъ посидѣть опять къ нему Писатель былъ,
Котораго опять читать онъ заставляетъ,
И онъ читаетъ.
Нечистой только лишь придетъ
И тѣмъ же часомъ пропадетъ.
Постой же, разсуждалъ Хозяинъ самъ съ собою:
Теперь я слажу съ Сатаною.
Не станешь болѣе ты въ домъ ко мнѣ ходить!
На третью ночь одинъ Хозяинъ нашъ остался.
Какъ скоро полночь стало бить;
Нечистой тутъ; но чуть лишь только показался,
Эй! малой! поскорѣй! Хозяинъ закричалъ:
Чтобъ Стихотворецъ ту комедію прислалъ,
Которую онъ мнѣ читалъ.—
Услыша это, Духъ нечистой испугался,
Рукою замахалъ,
Чтобы слуга остался;
И словомъ, Домовой
Пропалъ, и въ этотъ домъ ужъ больше ни ногой.

Вотъ если бы стиховъ негодныхъ не писали,
Которые мы такъ бранимъ,
Какимъ бы способомъ другимъ
Чертей мы избавляться стали?
Теперь хоть тысячи бѣсовъ и домовыхъ
Къ намъ въ домы станутъ появляться,
Есть чѣмъ отъ нихъ
Обороняться!

XIII.

СЛѢПЦЫ.

Шло нѣсколько слѣпцовъ, какъ всѣ слѣпые ходятъ,
Когда ихъ зрячіе не водятъ:
Почти что шагъ пройдутъ,
Споткнутся, или упадутъ.
Прохожій, чтобъ Слѣпцамъ не столько спотыкаться,
Даетъ имъ палку опираться.
Взявъ палку, передомъ одинъ слѣпецъ пошелъ,
А за собой другихъ повелъ.
Пошли, другъ за друга держались,
И меньше прежняго при палкѣ спотыкались.
Вдругъ споръ между Слѣпцовъ зашелъ:
Вожатымъ каждой быть хотѣлъ;
И споръ еще другой о палкѣ затѣваютъ:
Какого дерева почесть ее не знаютъ.
Кто говоритъ,
Что палка та кленова;
Другой твердитъ:
Дубова!
И ощупью Слѣпцы хотятъ о томъ судить,
Что должно зрячему рѣшить.
Слѣпцы не могутъ согласиться,
И все сильнѣе споръ о палкѣ становится.
Изъ спора въ споръ Слѣпцы, потомъ до бранныхъ словъ

Уже доходитъ межъ Слѣпцовъ;
А тамъ и въ драку межъ собою,
И палкою другъ друга тою,
Котора имъ дана была, чтобъ ихъ водить,
Немилосердо бить.
Но все не думаютъ другъ другу уступить:
Хоть умереть, готовы драться,
А въ спорѣ не поддаться.
И до того не унялись,
Пока на смерть передрались.

Вотъ такъ Слѣпцамъ во вредъ служило,
Что въ пользу ихъ дано имъ было.
А эдакихъ Слѣпцовъ,
Отъ ересей и спорныхъ словъ,
Которые они разсѣяли въ законы,
На свѣтѣ не одни погибли миліоны.

XIV.

ДРУЗЬЯ.

Давно я зналъ, и вновь опять я научился,
Чтобъ другомъ никого, не испытавъ, не звать.

Случилось мужику чрезъ ледъ переѣзжать,
И возъ его сквозь ледъ къ несчастью провалился.
Мужикъ метаться и кричать:
Ой, батюшки! тону, тону, ой! помогите. —
„Ребята! что же вы стоите?
„Поможемъ-те" одинъ другому говорилъ,
Кто вмѣстѣ къ мужикомъ въ одномъ обозѣ былъ.
„Поможемъ" каждой подтвердилъ.
Но къ возу между тѣмъ никто не подходилъ.
А должно знать, что всѣ одной деревни были,
Друзьями межъ собою слыли;
Не разъ за братское здоровье вмѣстѣ пили;
А сверхъ того между собой,
Для утвержденія ихъ дружбы круговой,
Крестами даже помѣнялись.
Другъ друга братомъ всякъ зоветъ;
А братней возъ ко дну идетъ!
Ко счастью мужика, сторонніе сбѣжались,
И вытащили возъ на ледъ.

XV.

ЗАПАДНЯ и ПТИЧКА.

Задумалъ кто-то птицъ ловить;
И западню ловить ихъ выставляетъ,
Наклавъ въ нее всего довольно ѣсть и пить.
А чтобы птицъ еще вѣрнѣе приманить,
Обманъ къ обману прибавляетъ,
И птичку въ западню сажаетъ,
Котору изловилъ,
Когда тотъ самой онъ обманъ употребилъ,
Чтобъ птичка, въ клѣткѣ распѣзая,
Другимъ приманкою была,
И голосомъ своимъ прельщая,
Подругъ своихъ въ тюрьму, какъ надобро, звала,
Одна изъ птичекъ налетѣла,
И къ западнѣ на голосъ птички той
Подсѣла.
Заглядываетъ къ ней со стороны, съ другой;
Но вдругъ подумавши съ собой,
Нѣтъ, говоритъ: хоть сколько ты ни пой,
Сомнителенъ мнѣ голосъ твой;
Не спроста здѣсь и ты, да и запасъ такой!
Я, правда, цѣлой день не ѣла,
Однако въ тѣсноту такую не пойду;
А въ полѣ полечу; тамъ кормъ себѣ найду,
Какой я и всегда, хоть съ нуждою, имѣла.
А здѣсь готовое даютъ и ѣсть и пить,
Да тѣсно жить!

XVI.

ЗАСЛУЖЕНОЙ КОНЬ

Былъ конь у барина, какихъ бываетъ мало;
Не конь, а кладъ,
Какъ говорятъ.
Скупаго барина такого не бывало,
И только одного коня онъ и держалъ,
Которой въ домѣ всю работу исправлялъ,
Какую бы и тремъ исправить въ пору было.
Конь сколько могъ служилъ; но время наступило,
Что больше ужъ не въ мочь пришло ему служить.
И по прямомубъ надлежало
Изъ благодарности коня по смерть кормить.
Но чувства въ баринѣ такого не бывало:
Конь въ тягость сталъ; онъ шлетъ продать.
Но дряхлаго коня кто станетъ покупать?
Ведутъ его назадъ. „Ну, не хочу я болѣ,
(Хозяинъ осердясь сталъ людямъ говорить)
Безпрокаго коня кормить:
Сгоните въ поле;
Пускай за службу самъ онъ кормится на волѣ.“
И бѣднаго коня велѣлъ съ двора согнать.

Такого ли коню за службу воздаянья
Возможно было ожидать?
Въ нашъ вѣкъ хозяинъ пропитанья
Стыдился бы коню не дать.

XVII.

ЗЕЛЕНОЙ ОСЕЛЪ.

Какой-то съ умысла дуракъ
Взявъ одного осла, его разкрасилъ такъ,
Что весь зеленой сталъ, а ноги голубыя.
Повелъ осла казать по улицамъ дуракъ.
И старики и молодые,
И малой и большой
Гдѣ ни взялись, кричатъ: Ахти! оселъ какой!
Самъ зеленъ весь какъ чижъ, а ноги голубыя!
О чемъ слыхомъ доселѣ не слыхать.
Нѣтъ, (городъ весь кричитъ) нѣтъ, чудеса такія
Достойно вѣчности предать,
Чтобъ даже внуки наши знали,
Какія рѣдкости въ нашъ славной вѣкъ бывали.—
По улицамъ смотрѣть зеленаго осла
Кипитъ народу безъ числа;
А по домамъ окошки открываютъ,
На кровли вылѣзаютъ,
Лѣса, подмостки подставляютъ.
Всѣмъ видѣть хочется осла, когда пойдетъ;
А всѣмъ идти съ осломъ дороги столько нѣтъ!
И давка вкругъ осла сказать не льзя какая:
Другъ друга всякъ толкаетъ, жметъ,
Съ боковъ и спереди и сзади забѣгая.

Чтожъ? два дни первые гонялся за осломъ
Безъ памяти народъ въ каретахъ и пѣшкомъ.

Больные про болѣзнь свою позабывали,
Когда зеленаго осла имъ вспоминали;
И няньки съ мамками, ребятъ чтобъ укачать,
Кота ужъ полно припѣвать:
Осла зеленаго ребятамъ припѣвали.
На третій день осла по улицамъ ведутъ;
Смотрѣть осла уже и съ мѣста не встаютъ.
И сколько всѣ объ немъ сперва ни говорили,
Теперь совсѣмъ объ немъ забыли,

Какую глупость ни затѣй,
Пока еще нова, чернь безъ ума отъ ней.
Напрасно сталъ бы кто стараться
Глупцовъ на разумъ наводить;
Ему же будутъ насмѣхаться:
А лучше времени глупцовъ препоручить,
Чтобы на путь прямой попали.
Хоть сколько бы они проплѣвиться ни стали,
Оно умѣетъ ихъ учить.

XVIII.

СОЛОВЕЙ и ЧИЖЪ.

Былъ домъ,
Гдѣ подъ окномъ
И Чижъ и Соловей висѣли,
И пѣли.
Лишь только Соловей бывало запоетъ,
Сынъ маленькой отцу проходу не даетъ:
Все птичку показать къ нему онъ приступаетъ,
Что эдакъ хорошо поетъ.
Отецъ, обоихъ снявъ, мальчишкѣ подаетъ.
Ну, говоритъ: узнай, мой свѣтъ!
Которая тебя такъ много забавляетъ?—
Тотчасъ на Чижика мальчишка указалъ.
Вотъ, батюшка! она, сказалъ.
И мальчикъ отъ Чижа въ великомъ восхищеньи:
„Какія перушки! куда какъ онъ пригожъ!
„За тѣмъ вѣдь у него и голосъ такъ хорошъ!“

Вотъ дѣтско разсужденье!
Да полно и въ житействѣ тожъ
О людяхъ многіе по виду заключаютъ:
Кто наряженъ, богатъ, пригожъ,
Того и умнымъ почитаютъ.

XIX.

ЛОШАДЬ и ОСЕЛЪ.

Д бро, которое мы дѣлаемъ другимъ,
Въ добро послужитъ намъ самимъ;
И въ нуждѣ надобно другъ другу
Всегда оказывать услугу.

Случилось Лошади въ дорогѣ быть съ осломъ,
И Лошадь шла порожнякомъ;
А на Ослѣ поклажи столько было,
Что бѣднаго совсѣмъ подъ нею задавило.
Нѣтъ мочи, говоритъ: я право упаду,
До мѣста не дойду.
И проситъ Лошадь онъ, чтобъ сдѣлать одол-
женье,
Хоть часть поклажи снять съ него:
„Тебѣ не стоитъ ничего,
А мнѣбъ ты сдѣлала большое облегченье"
Онъ Лошади сказалъ.
„Вотъ, чтобъ я съ ношею ослиною таскалась!"
Сказала Лошадь и помчалась.

Оселъ потуда шелъ, пока подъ ношей палъ,
И Лошадь тутъ узнала,
Что ношу раздѣлить напрасно отказала,
Когда ее нести одна
Съ ослиной кожею была принуждена.

XX.

СЧАСТЛИВОЕ СУПРУЖЕСТВО.

Вотъ, говорятъ, примѣровъ нѣтъ,
Чтобъ мужъ въ ладу съ женою жили,
И даже и по смерть другъ друга бы любили.
Ой! здѣшній свѣтъ!
Привыкнувъ клеветать, чего ужъ не взнесетъ?
Не стыдно ли всклепать напраслину такую?
Впредь не повѣрю въ томъ я больше никому,
И слухъ такой сочту лишь за молву пустую.
Я сам свидѣтелемъ тому,
Что и согласіе въ супружествахъ бываетъ;
И тотъ, кто этому не вѣритъ, согрѣшаетъ.
А васъ клеветниковъ, чтобъ на вѣкъ устыдить,
Я буду вамъ примѣръ живой здѣсь говорить.
Послушайте:—чегобъ жена ни пожелала,
Мужъ исполнять все то за свято почиталъ;
А и жена, чегобъ и мужъ ни пожелалъ,
Равно безъ женскаго упрямства исполняла.
Одною ласкою и просьбою одной,
Какъ съ стороны, такъ и съ другой,
Взаимной волѣ угождали:
И ссоры никогда между собой не знали.
Что нравилося ей, то нравилось ему.
Когдажъ бывало что противно одному,
Противно было то равно и для другова.
И я не видывалъ согласія такова,

Какое было между ихъ.
Какъ до вѣнца еще невѣста и женихъ
Стараются, чтобъ ихъ пороки скрыты были,
Такъ точно и они всегда,
Ставъ мужемъ и женой, взаимно ихъ таили,
Чтобъ въ домѣ не было досады никогда.
Послѣдній поцѣлуй, когда ужъ умирали,
Такъ страстенъ былъ, какъ тотъ, когда ихъ обвѣнчали;
И словомъ: жили до конца,
Какъ въ первый день живутъ пришедши отъ вѣнца.
„А сколько лѣтъ ихъ вѣку было?"
Да сколько лѣтъ?—Съ недѣлю и всего;
А безъ того
На сказку бъ походило.

XXI.

СТРЯПЧІЙ и ВОРЫ.

Какой-то Стряпчій былъ, всѣмъ стряпчимъ образецъ,
Такой дѣлецъ,
Что стряпческими онъ ухватками своими,
Предъ всѣми стряпчими другими.
Взявъ первенство, къ себѣ всѣхъ истцовъ приманилъ.
И словомъ: такъ проворенъ былъ,
Что часто имъ и тотъ оправданъ оставался,
Которой самъ суду въ винѣ своей признался,
И судъ котораго на казнь ужъ осудилъ.

Въ покражѣ двухъ Воровъ поймали;
И должно по суду Воровъ за то казнить.
А это Воры знали;
Однако какъ они о Стряпчемъ тожъ слыхали,
Что если за кого возмется онъ ходить,
Бояться нѣчего; то Стряпчаго сыскали,
Сулятъ ему что за душей
Изъ краденыхъ вещей,
Лишь только бы оправить,
Отъ смерти ихъ избавить.
Вѣдь тяжко умирать, какъ есть кому чѣмъ жить!

Надѣясь отъ Воровъ подарки получить,
Сталъ Стряпчій за Воровъ ходить;

И выходилъ, что ихъ на волю отпустили,
Всѣхъ вообще судей заставя разумѣть,
Что ихъ напрасно обвинили.
Вотъ въ свѣтѣ каково старателя имѣть!

Какъ скоро ихъ освободили,
Въ домъ Стряпчаго снесли они, что посулили
Благодарятъ,
И впредь дарить его сулятъ.

Какъ это все происходило,
Что Стряпчій отъ Воровъ подарки принималъ,
И съ ними въ радости на счетъ ихъ пировалъ,
Ужъ на дворѣ не рано было;
И сталъ гостей онъ унимать
Остаться переночевать;
А гости будто бы сперва не соглашались,
Однако ночевать остались.

Лишь только въ домѣ улеглись,
За промыслъ гости принялись:
Не только что свои подарки ворошили,
Еще и Стряпчаго пожитки разсчечили;
Потомъ до соннаго добрались самаго,
И въ барышахъ ему бока отколотили,
Оставя чуть живымъ его.

Кто плутнями живетъ и плутнямъ потакаетъ,
Отъ нихъ и погибаетъ.

—⁂—

XXII.

СТРЕКАЗА.

Все лѣто Стреказа въ то только и жила,
Что пѣла;
А какъ зима пришла,
Такъ хлѣба ничего въ запасѣ не имѣла.
И проситъ Муравья: помилуй, Муравей!
Не дай пропасть мнѣ въ крайности моей,
Нѣтъ хлѣба ни зерна, и какъ мнѣ быть, не знаю.
Не можешь ли меня хоть чѣмъ нибудь ссудить,
Чтобъ ужъ хоть кое-какъ до лѣта мнѣ дожить?
А лѣто какъ придетъ, я право обѣщаю
Тебѣ все вдвое заплатить.
„Да какъ же цѣлое ты лѣто
„Ничемъ не запасалсь?" ей Муравей на это.—
Такъ виновата въ томъ; да что ужъ? не взыщи.
Я запастися все хотѣла,
Да лѣто цѣлое пропѣла.—
„Пропѣла?—хорошо! подижъ теперь свищи."

XXIII.

ДВА КУПЦА.

Кащей! ты дурно поступаешь,
Когда лишь въ то живешь, что деньги собираешь,
И первымъ ихъ своимъ блаженствомъ почитаешь:
Ну, если часъ такой найдетъ,
Что деньги есть, да хлѣба нѣтъ?
Вотъ ты мнѣ смѣхомъ отвѣчаешь!
Да смѣхъ твой можетъ быть пройдетъ:
Дай только разсказать мнѣ нѣчто напередъ.

Въ какомъ-то городѣ два человѣка жили,
Которы промысломъ Купцами оба были.
Одинъ изъ нихъ въ то только жилъ,
Что деньги изъ всего копилъ;
Другой доходъ свой въ хлѣбъ оборотить старался.
Богатой деньгами товарищу смѣялся,
Что онъ все хлѣбомъ запасался.
Товарищъ смѣхъ его спокойно принималъ,
И хлѣбной свой запасъ все больше умножалъ.
Вдругъ войско къ городу съ осадой подступило;
Съ осадой наконецъ и голодъ наступилъ.
Теперь что у кого запасу къ счастью было,
Тотъ тѣмъ въ сей крайности и жилъ.
Богатой деньгами, Кащей безъ хлѣба былъ:

Купить его ко всѣмъ по городу метался:
За хлѣбъ одинъ Кащей всѣ деньги отдаетъ;
Однако же никто и денегъ не беретъ.
[illegible] въ деньгахъ, если хлѣба нѣтъ?
Товарищъ лишь одинъ прибѣжищемъ остался.
Кащей въ числѣ другихъ несчастныхъ первой былъ,
Который хлѣба попросилъ
У самаго того, кому онъ насмѣхался,
Что тотъ все хлѣбомъ запасался.
Товарищъ и его питалъ,
И прочихъ жителей отъ голода спасалъ.
Какъ городъ взяли,
Всѣхъ жителей живыхъ застали,
А у Кащея все богатство обобрали.
Ну, что? ему тогда товарищъ говорилъ:
Гдѣ золото твое, и гдѣ бы самъ ты былъ,
Когдабъ я хлѣба не копилъ?

XXIV.

ДІОНИСІЙ и МИНИСТРЪ ЕГО.

Изволь пожалуй отвѣчать,
Да такъ, чтобъ не солгать
И правды не сказать.

О Діонисіи, я чаю, всякой знаетъ;
Извѣстно всѣмъ каковъ онъ былъ!
Слухъ о дѣлахъ его и нынѣ ужасаетъ;
А каковожъ тому, кто при Тиранѣ жилъ?
И я не радъ, что ужъ объ немъ заговорилъ:
Не знаю какъ бы поскорѣе
Сказавъ объ немъ, что понужнѣе,
Оставить мнѣ его.

Разъ у Министра своего
Потребовалъ онъ мнѣнье,
Когда какое-то, не помню, сочиненье
Въ стихахъ дурныхъ онъ написалъ,
Да съ тѣмъ, чтобъ онъ ему всю истину сказалъ.
Министръ привыкъ всегда безъ лести изъясняться,
И самъ Тиранъ его за правду почиталъ,
И часто за нее прощалъ.
Стихи (онъ отвѣчалъ Тирану) не годятся.—
Но тутъ не могъ Тиранъ отъ злости удержаться;

Подъ краулъ отдать Министра приказалъ;
Самъ передѣлалъ сочиненье.
Спустя дней нѣсколько Министра онъ призвалъ,
Чтобъ вновь его услышать мнѣнье.
Министръ ему не отвѣчалъ;
А къ караульному, который тутъ случился,
Оборотился,
И говоритъ ему: я долженъ отвѣчать;
Такъ поведи меня подъ караулъ опять.

XXV.

ДВА БОГАЧА.

Два были богача, и оба въ тяжбѣ были.
Причины же прямой я не могу сказать:
Кто можетъ все подробно знать?
Къ тому же толкъ инымъ дѣламъ приказнымъ
дать
Не такъ-то чтобъ легко.—Иные говорили,
Что споръ ихъ изъ куска земли;
Другіе:
Что будто бы долги какіе
Прапрадѣдовъ своихъ другъ на друга начли.
Такимъ-то и тягаться,
Которымъ кошелекъ поможетъ оправдаться,
И у судей законъ и совѣсть откупить.
Безъ денегъ, какъ на торгъ, въ судъ не зачѣмъ
ходить.
Приказной формою дѣла ихъ въ судъ вступили;
И каждой сторонѣ, ихъ стряпчіе сулили,
Что въ пользу дѣло то пойдетъ.
Проходитъ годъ, другой, и близь десятка лѣтъ;
Конца однако дѣлу нѣтъ.
Ужь ли судьи ихъ сговорились
Такъ долго дѣло волочить?—
Вотъ тотчасъ клеветать и на судей взносить
И думать, что они изъ взятокъ согласились....

Какъ будто бы не льзя другимъ причинамъ быть,
Что дѣло тихо шло? Ну, какъ тутъ поспѣшить?
Съ годъ, говорятъ, по немъ въ однихъ архивахъ рылись.

Въ томъ самомъ городѣ, гдѣ споръ происходилъ,
Какой-то Живописецъ былъ,
Которой написалъ на богачей картину,
Такъ что нагими ихъ онъ въ ней изобразилъ,
И выставилъ въ народъ. Всѣ спрашивать причину;
Весь городъ толковать и говорить объ нихъ
И только что рѣчей о богачахъ нагихъ.
Доходитъ вѣсть о томъ до богачей самихъ.
Пошли смотрѣть картину,
И видятъ, дѣло такъ! Позоръ, позоръ для нихъ!
Взбѣсились богачи: готовы ужъ прошенье
На живописца подавать,
Чтобы безчестіе взыскать,
И въ тяжбѣ будучи, другую начинать.
...къ, говорятъ: снести такое поношенье?—
Пошли его спросить однако напередъ.
Пожалуй, говорятъ: скажи, что за причина,
Что въ поруганье намъ написана картина
И выставлена въ свѣтъ?
Что развѣ ты, мой другъ, сочелъ насъ дураками,
Чтобъ насмѣхаться такъ надъ нами?

Нѣтъ, живописецъ имъ сказалъ:
Не съ тѣмъ картину я писалъ,
Чтобъ мнѣ надъ вами насмѣхаться;
А только вамъ хотѣлъ картиною сказать,
Чего вамъ должно ожидать,
Когда еще вы станете тягаться.

XXVI.

ЛѢСТНИЦА.

Все надобно стараться
Съ потребной стороны за дѣло приниматься;
А если иначе, все будетъ безъ пути.

Хозяинъ нѣкакой сталъ лѣстницу мести;
Да началъ, не умѣя взяться,
Съ ступеней нижнихъ месть. Хоть съ нижней
сорѣ смететъ,
А съ верхней соръ опять на нижнюю спадетъ.
Не безтолковъ ли ты? ему тутъ говорили,
Которые при этомъ были:
Кто съ низу лѣстницу мететъ?

На чтобы походило,
Когда бъ въ правленiи, въ какомъ бы то ни было,
Не съ вышнихъ степеней, а съ нижнихъ начинать
Порядокъ наблюдать?

XXVII.

БЛАГОДѢЯНІЕ.

Весьма похвально поступаетъ
Кто бѣднымъ помогаетъ;
И лучше самому хоть съ нуждою прожить,
Чтобъ бѣднымъ удѣлить.

Смирена такъ разбогатѣла,
Что чистымъ золотомъ вдругъ миліонъ имѣла.
Достатокъ сей
Достался по духовной ей.
Ну, говоритъ: теперь ни что не помѣшаетъ
Мнѣ въ нуждѣ бѣднымъ помогать.
Хвала Творцу за благодать!
Пускай лишь только пожелаетъ
Кто помощи моей.
Лишь только молвила, и нищій у дверей;
„Подайте милостину!“ проситъ,
И просьбу съ жалостью такою произноситъ,
Что всякъ бы тронутъ былъ. Смирена мѣры нѣтъ,
Что чувствуетъ; и какъ за нищаго страдаетъ:
Суди Богъ, говоритъ: кто бѣдныхъ покидаетъ!
И нищему большой.... гнилой сухарь несетъ.

XXVIII.

ДѢЛЕЖЪ ЛЬВИНОЙ.

Оселъ съ Овцой, съ Коровой и съ Козой,
Когда-то въ пайщики вступили,
И Льва съ собою пригласили
На договоръ такой,
Что если звѣрь какой
На чьей нибудь землѣ въ тенёта попадется,
И звѣря этаго удастся изловить,
Тобы добычу раздѣлить
По равной части всѣмъ, кому что доведется.

Случись,
Олень къ Козѣ въ тенёта попадись.
Тотчасъ другъ другу повѣстили,
И вмѣстѣ всѣ они Оленя задушили.

Дошло до дѣлежа. Левъ тотчасъ говоритъ:
Одна тутъ часть моя, и мнѣ принадлежитъ,
За тѣмъ что договоръ такой мы положили.
„Объ этомъ слова нѣтъ!"—Другая часть моя,
За тѣмъ что Львомъ я
Называюсь,
Что первымъ между васъ считаюсь.
„Пускай и то!"—И третья часть моя,
По праву: кто кого храбрѣе;

Еще четверту часть беру себѣ же я,
По праву: кто кого сильнѣе;
А за послѣднюю лишь только кто примись,
То тутъ же съ жизнію простись.

XXIX.

ВОЛЯ и НЕВОЛЯ.

Волкъ долго не имѣвъ поживы никакой,
Былъ тощъ, худой,
Такой,
Что кости лишь однѣ да кожа;
И волку этому случись
Съ собакою сойтись,
Которая была росла, пригожа,
Жирна,
Дородна и сильна.
Волкъ радъ бы всей душей съ Собакою схватиться
И ею поживиться;
Да полно для того не смѣлъ,
Что не по немъ была Собака,
И не по немъ была бы драка.
И такъ со стороны учтиво подошелъ;
Лисой къ ней началъ подбиваться:
Ея дородству удивляться,
И всячески ее хвалить.
„Не стоитъ ничего тебѣ такимъ же быть,
Собака говоритъ: какъ скоро согласишься
Идти со мною въ городъ жить.
Ты будешь весь иной, и такъ переродишься,
Что самъ себѣ не надивишься.

Что ваша жизнь и впрямъ? Скитайся все,
рыщи,
И съ горемъ пополамъ поѣсть чего ищи;
А даромъ и кускомъ не думай поживиться:
Все съ бою должно взять!
А это на какую стать?
Куда такая жизнь годится?
Вѣдь посмотрѣть, такъ въ чемъ душа-то право
въ васъ!
Не ѣвши цѣлы дни, вы всѣ какъ испитые,
Поджарые, худые!
Нѣтъ! то-то жизнь-то какъ у насъ!
Ѣшь не хочу!—всего, чего душа желаетъ!
Послѣ гостей
Костей, костей,
Остатковъ отъ стола, такъ столько ихъ
бываетъ,
Что нѣкуда дѣвать!
А ласки отъ господъ, ужъ подлинно сказать!"
Растаялъ Волкъ услыша вѣсть такую,
И даже слезы на глазахъ
Отъ размышленія о будущихъ пирахъ.—
А должность отправлять за это мнѣ какую?
Спросилъ Собаку Волкъ. — „Что? должность?
ничего!
Вотъ только лишь всего:
Чтобъ не пускать ва дворъ чужова никого;
Къ хозяину ласкаться,
И около людей домашнихъ увиваться!"
Волкъ слыша это все, не шелъ бы, а летѣлъ;
И лѣсъ ему такъ омерзѣлъ,
Что про него ужъ онъ и думать не хотѣлъ;

И всѣхъ Волковъ себя счастливѣе считаетъ.
Вдругъ на собакѣ онъ дорогой примѣчаетъ,
Что съ шеи шерсть у ней сошла.
—А это что такое,
Что шея у тебя гола?—
„Такъ, это ничего, пустое."
—Однако нѣтъ, скажи.—„Такъ право ничего.
Я чаю,
Это отъ того,
Что иногда на привязи бываю."
—На привязи? тутъ Волкъ вскричалъ:
Такъ ты не все живешь на волѣ?—
„Не все. Да полно что въ томъ нужды?" Песъ
сказалъ.
А нужды столько въ томъ, что не хочу я болѣ
Ни зачто всѣхъ пировъ твоихъ:
Нѣтъ, воля мнѣ дороже ихъ;
А къ ней на привязи, я знаю, нѣтъ дороги!—
Сказалъ, и къ лѣсу дай Богъ ноги.

XXXII.

ПРАЗДНИКЪ ДЕРЕВЕНСКОЙ.

Мы въ прихотяхъ своихъ того не разбираемъ,
Во вредъ ли, въ пользу-ль намъ все то, чего
желаемъ.

Приходитъ праздникъ годовой.
Кто празднику не радъ? Крестьяне дожидаться,
Всѣмъ тѣмъ, что надобно, на праздникъ запа-
саться;
И въ радости такой
Сряжаться:
Какъ погулять,
Попировать,
Самимъ какъ въ гости побывать,
И какъ гостей къ себѣ созвать.

Насталъ ихъ праздникъ, и настало
Ненастье съ праздникомъ, какого не бывало;
Такъ что ни вонъ изъ избъ. А правду всю сказать:
Такъ для народа
Тогда и погулять,
Какъ хороша погода.
А тутъ и дождь, и снѣгъ, и градъ,
И грязь гулякамъ по колѣни.
Крестьяне и въ жалобу въ пѣни.
Ни кто и празднику не радъ;

И къ богу ведра приступили.
(Язычники крестьяне были)
Помилуй, говорятъ: во весь мы круглой годъ
Часа покою не имѣемъ:
То пашемъ мы, то жнемъ, то сѣемъ,
Когда не на себя, такъ на своихъ господъ.
Недѣля намъ въ году, чтобы повеселиться,
И та вотъ прахомъ вся пошла!
Погода до того все хороша была;
Теперь на улицу не можно появиться. —

„Неблагодарные! богъ ведра имъ сказалъ:
Не знаете чего хотите.
Впередъ Судьбу вы не гнѣвите.
Къ спасенью вашему я вамъ ненастье далъ:
Хлѣбъ на поляхъ у васъ совсѣмъ ужъ пропадалъ;
Зной жегъ его, а червь съѣдалъ.“

XXXIII.

ОСЕЛЪ ПРИГЛАШЕННЫ НА ОХОТУ.

Собравшись Левъ звѣрей ловить,
Осла въ числѣ своихъ Придворныхъ приглашаетъ,
Чтобъ на охоту съ нимъ сходить.
Оселъ дивится и не знаетъ,
Какъ милость эту разсудить:
За тѣмъ что этаго родясь съ нимъ не случалось.
И сглупа показалось
Ему,
Что милость Льва къ нему
Такая,
Его особу уважая.
„Вотъ, говоритъ:
Вся мѣлочь при дворѣ меня пренебрегаетъ,
Бранитъ
И обижаетъ;
А самъ и Царь,
Мой Государь,
Сподобилъ милости, не погнушавшись мною:
Такъ знать чего нибудь я стою.
И не дуракъ ли я, что всѣмъ я уступалъ?
Нѣтъ, полно уступать!“—сказалъ.

Какъ члена Судъ иной, что въ члены онъ попалъ,
Судейску важную осанку принимаетъ,
Возносится и всѣхъ ни за что почитаетъ;
И что ни дѣлаетъ и что ни говоритъ,
Всегда и всякому, что Членъ онъ подтвердитъ.
И ежели кого другаго не поймаетъ,
Хотя на улицѣ къ ребятамъ радъ пристать,
И имъ, что Членомъ онъ, сказать.
Въ письмѣ къ роднымъ своимъ не можетъ удержаться,
Чтобъ Членомъ каждой разъ ему не подписаться;
И словомъ: весь онъ Членъ; и въ домѣ отъ людей
Все членъ по немъ до.... лошадей!

Такъ точно и Оселъ мой началъ возноситься:
Не знаетъ какъ ему ступить;
Самъ бодрости своей не радъ. Чему-то быть!
Не всякому Ослу случится
Льва на охоту проводить.
Да чѣмъ-то это все рѣшится?
Осла Левъ на охоту брать....
Чтобъ съ царской милостью Ослу не горевать.—

Звѣрей, которыхъ затравили,
Всѣхъ на Осла взвалили,
И съ головы до ногъ всего
Обвѣсили его.
Тогда Оселъ узналъ, что взятъ онъ на охоту,
Не въ уваженіе къ нему, а на работу.

XXIV.

ЛОШАДЬ СЪ ВОЗОМЪ.

Когдабъ приманчивость людьми не управляла,
Къ чемубъ тогда годился свѣтъ?
Кудабъ и не идти, теперь иной идетъ:
Приманчивость ведетъ!
А эта мысль мнѣ вотъ съ чего припала:
Я видѣлъ: лошадь возъ съ каменьями везетъ,
И очень лошадь ужъ пристала.
Возъ сѣна впереди идетъ;
То чтобъ до сѣна ей добраться,
Она, хоть черезъ мочь, везти и надсѣдаться;
И такъ впередъ все шла, да шла,
Пока возъ съ камнями до мѣста довезла.

XXXV.

ПОПУГАЙ.

У барина былъ попугай,
Которой какъ-то невзначай
Отъ барина изъ дому,
Въ окошко залетѣлъ
Къ крестьянину простому;
И только прилетѣть успѣлъ,
Заговорилъ, что разумѣлъ.

Нс рѣдко чернь, когда чего не понимаетъ,
За дьявольщину почитаетъ.

Мужикъ словесныхъ птицъ не видывалъ такихъ,
И слышать не слыхалъ объ нихъ;
Счелъ, что влетѣла въ домъ духовъ нечистыхъ
сила.
Жена его тотчасъ молитву сотворила,
И какъ на выдумки хитрѣй его была,
(Такъ какъ и вообще считаютъ,
Что будто жены всѣ хитрѣй мужей бываютъ)
Скорѣй горшокъ гдѣ ни взяла,
И попугая имъ накрыла;
А сверхъ того
Крестомъ его,
Чтобъ крѣпче онъ сидѣлъ накрывши, заградила.
„Сиди же!" говоритъ.

И попугай мой подъ горшкомъ сидитъ.
Межъ тѣмъ взыскались попугая;
Людей вездѣ, куда лишь можно, разсылая,
Сыскали какъ-то слѣдъ, пришли,
И подъ горшкомъ нашли
Его чуть, чуть живова.

На это что сказать инова?
Бѣда попасть съ умомъ
Къ невѣждѣ въ домъ!

БАСНИ И СКАЗКИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

БАСНИ И СКАЗКИ.

I.

МУРАВЕЙ и ЗЕРНО.

Готовя Муравей запасъ, нашелъ зерно,
Межъ мѣлкими одно
Весьма большое.
Не Муравью бы имъ казалось и владать,
Да нѣтъ, затѣялъ онъ и эту ношу взять.
Зерно, онъ думаетъ: такое
Одно на цѣлую недѣлю можетъ спать;
И потащилъ зерно большое.
Дорога вверхъ горы утесистой была:
Ну, окола зерна мой Муравей трудиться,
Тащить, карабкаться, лѣпиться;
Но тяжесть трудъ перемогла,
И Муравья стремглавъ съ утеса сорвала:
Грузъ въ сторону летитъ, а Муравей въ другую.

Не трогая струну людскую,
Мнѣ только Муравью хотѣлось бы сказать,
Чтобъ свыше силъ не подымать.

II.

ЛѢНИВЫЕ и РЕТИВЫЕ КОНИ.

Въ однихъ повозкахъ шли ретивые кони,
Въ другихъ лѣнивые. Пришедъ къ горѣ они,
Лѣнивые ни съ мѣста! стали.—
А вѣдь въ дорогѣ не стоять!
Ну, ну, и погонять;
Ни съ мѣста.—Способа другаго не сыскали,
Какъ изъ возовъ коней лѣнивыхъ выпрягать,
А нелѣнивыхъ впрячь. Впрягли коней ретивыхъ,
Чтобъ вывезть на гору повозки за лѣнивыхъ:
Лишь только что одну взвезутъ,
Въ другую ихъ перепрягутъ.
Когдажъ кормить обозъ остановили,
Всѣхъ на одну траву, на тотъ же лугъ пустили.

Случившися я тутъ,
Подумалъ: вотъ житье какое!
Ретивому всегда работы вдвое,
А тотъ же кормъ даютъ!

III.

КУРЫ и ГОЛУБКА.

Какой-то мальчикъ птицъ любилъ,
Дворовыхъ, всякихъ безъ разбору;
И крошками кормилъ.
Лишь голосъ дастъ ко сбору,
То куры тутъ какъ тутъ,
Отвсюду набѣгутъ.
Голубка тоже прилетѣла,
И крошекъ поклевать хотѣла;
Да той отваги не имѣла,
Чтобъ подойти къ крохамъ. Хоть къ нимъ и подойдетъ,
Бросая мальчикъ кормъ, рукою лишь взмахнетъ,
Голубка прочь, да прочь; и крохъ какъ нѣтъ, какъ нѣтъ!
А куры между тѣмъ съ отвагой наступали,
Клевали крохи, да клевали.

На свѣтѣ часто такъ идетъ,
Что счастія иной отвагой доступаетъ;
И смѣлой тамъ найдетъ,
Гдѣ робкой потеряетъ.

IV.

НЕВѢЖЕСТВО и СКУПОСТЬ.

Отъ зла и одного чего не заведется!
Чтожъ, если больше ихъ столкнется?

Невѣжа, а при томъ скупой,
По милости Судьбы слѣпой,
Нашелъ въ землѣ одну литую
Старинную статую,
Такой
Работы мастерской,
Что въ наши времена не сдѣлаютъ другой.
Тотчасъ невѣжа мой
Скупой,
Вообразя, что въ ней сокрыты деньги были,
Обухъ схватилъ
И статую разбилъ,
Которой знатоки цѣны не находили.

V.

СЛѢПОЙ ЛЕВЪ.

Былъ Левъ слѣпой; а быть и знатному слѣпымъ
Дурное право состоянье!
Давай, хоть не давай Левъ подданнымъ своимъ
О чемъ какое приказанье;
Иль правду въ томъ,
Или въ другомъ
Не думай Левъ узнать: обманутъ былъ кругомъ!

Лиса придетъ и рапортуетъ,
Что Львовъ запасной дворъ находится у ней
Во всей
Сохранности своей;
А первая съ двора запаснаго воруетъ,
Да и другимъ даетъ счечить,
Чтобъ не мѣшали ей тащить.

Волкъ тожъ бывало Льву наскажетъ,
Когда онъ наловить звѣрей ему прикажетъ,
Что ловъ сегодни былъ дурной,
И попадался звѣрь худой;
Себѣ же жирной кусъ оставитъ,
А чтобъ повѣрилъ Левъ, свидѣтелей поставитъ,
И словомъ: всякъ, кому по должности дойдетъ

Льву донести о чемъ, что хочетъ то налжетъ.
Тутъ кромѣ воровства и лжи не жди другаго
Отъ мала до большаго.

Слѣпаго Льва легко обманывать звѣрямъ,
Такъ какъ иныхъ господъ слугамъ.

VI.

ЛИСИЦА и СОРОКА.

Давно уже тебя мнѣ хочется спросить:
Что таки ты весь день изволишь говорить?
Лиса, увидѣвши Сороку, вопрошала.
Я чаю, есть что перенять,
Когда ты станешь разсуждать?—
„Все, что я говорю, Сорока отвѣчала:
Относится къ тому, чтобъ истину вещей
Открывъ, другихъ наставить въ ней.
И такъ большимъ моимъ стараньемъ предуспѣла,
Что я, кого бы ни взяла,
Отъ Жука до Орла,
Яснѣе всѣхъ ее изслѣдовать умѣла,
И толкъ дала.“

Большое, говоритъ Лисица: одолженье
Мнѣ было бы твое услышать наставленье,
Когда бы ты не въ трудъ сочла.

Какъ иногда педантъ глубоко изученный,
Наукой и собой надутъ и зараженный,
Готовясь преподать спасительный урокъ,
Сперва впередъ и взадъ каѳедры зашагаетъ,
И важно въ носовой свой шелковой платокъ

Утрется, и потомъ ужъ слово начинаетъ:
Такъ точно на суку Сорока повертясь,
И поученіе подать расположась,
Сперва впередъ и взадъ съ осанкой выступала,
И справа носъ объ сукъ и слѣва подчищала;
Потомъ принявъ ученый видъ,
„Я рада, говоритъ:
Моимъ дѣлиться дарованьемъ:
Пусть пользуется всякъ и малой и большой,
Открытымъ мнѣ познаньемъ.
Послушай! о тебѣ самой
Теперь я разсуждала:
Ты вѣдь четыре у себя
Ноги до этихъ поръ считала;
А не четыре ихъ! Хоть странно для тебя
Покажется; но знай, все чтобъ я ни сказала,
Не доказавъ не оставляла.
Послушай, и сама признаешься тогда:
Примѣтила ли ты? когда
Ты ступишь, то всегда
Нога твоя въ движеньи;
Когда же ты стоишь въ покойномъ положеньи,
То и нога твоя покоится тогда?
Но этимъ я еще не все вѣдь доказала;
А слушай, что теперь я буду выводить:
Всегда, когда тебѣ случается ходить
То все нога твоя не по землѣ-ль ступаетъ?
Примѣть же ты свой хвостъ, когда нога шагнетъ,
То съ нею тожъ и хвостъ подастся твой впередъ;
И какъ нога твоя то тутъ, то тамъ бываетъ,

То такъ точнехонько и хвостъ твой выступаетъ;
А изъ того теперь и можно заключить,
Что хвостъ твой пятою ногою долженъ быть;
И вотъ, на чудное по видимости мнѣнье,
При доказательствѣ тебѣ мое рѣшенье."

Не образумившись отъ мудрыхъ толь рѣчей,
Лисица пятую поджавъ смиренно ногу,
Пошла, и всю дорогу
Твердила: стало быть не межъ однихъ людей
Чѣмъ кто глупѣе,
Тѣмъ въ доказательствахъ сильнѣе.

VII.

СТРѢЛКА ЧАСОВАЯ.

Когда-то стрѣлка часовая
На башнѣ городской
Свои достоинства счисляя,
Разхвасталась собой,
И прочимъ часовымъ частямъ въ пренебреженье,
Не должно-ль, говоритъ: имѣть ко мнѣ почтенье?
Всему я городу служу какъ-бы въ законъ;
Все что ни дѣлаютъ, по мнѣ располагаютъ:
По мнѣ работаютъ, по мнѣ и отдыхаютъ;
По мнѣ чрезъ колокольный звонъ
Къ молитвѣ даже созываютъ;
И только часъ я покажу,
Какъ будто прикажу.
Да я жъ стою домовъ всѣхъ выше,
Весь городъ подо мной;
Всѣмъ видима и всѣхъ я вижу подъ собой!
А вы что значите? кто видитъ васъ?—„Постой!
Не льзя ли какъ нибудь потише;
И слово дать
И намъ сказать."
Другія части отвѣчали:

„Знай, что когдабъ не мы тобою управляли,
Тебя бы ни во что считали;
Важна ты нами, не собой.

И я скажу, но будь то сказано межъ нами,
Что эдакъ и дѣлецъ иной
Чужими чванится дѣлами.

VIII.

ОСЕЛЪ ВЪ УБОРѢ.

Одѣнь невѣжду
Въ богатую одежду,
Не сладишь! — И Ослы тогда
Считаютъ, что они большіе господа.

Не помню, право, я по случаю какому,
Отправилъ Левъ Осла
Къ сосѣду Льву другому
(Но разумѣется не въ качествѣ посла),
Къ сосѣду дорогому
Какіе-то подарки снесть.
Посольство отправлять у Льва Лисица есть.
Но хоть подарки несть Осла употребили,
Однако все его богато нарядили.
Оселъ
Лишь на уборъ свой посмотрѣлъ,
Не вспомнился и взбѣленился:
Лягается и всѣхъ толкаетъ, давитъ, бьетъ;
Дороги отъ Осла звѣрямъ и умнымъ нѣтъ.
Самъ Левъ не такъ гордился.
Ословъ поступокъ сей
Противъ достойнѣйшихъ звѣрей
Сталъ выше ужъ терпѣнья.
Пришли и на Осла Льву подали прошенье.

Левъ, просьбу разсмотря, Осла къ себѣ призвалъ,
Ослу нарядному сказалъ:
„Твое достоинство не чинъ опредѣляетъ,
Одинъ уборъ твой
Золотой;
Другихъ звѣрей талантъ, заслуга отличаетъ."

Уборъ съ Осла онъ снять велѣлъ.
Оселъ достоинства другаго не имѣлъ,
И безъ убора сталъ, какъ прежде былъ.... Оселъ

IX.

УСЛУГА.

Во всякомъ случаѣ незнаніе бѣда.
Считаешь иногда:
На что мнѣ суетиться,
Тому иль этому учиться?
Когда-то до меня о томъ еще дойдетъ.—
Дойдетъ ли, или нѣтъ,
А знанье все-таки годится.
Когда же и случится
Чего не знать,
То лучше въ дѣло не мѣшаться,
Чѣмъ послѣ со стыдомъ остаться.

Такъ нѣкто думая услугу показать,
Въ саду взялся траву дурную вырывать;
Но толку въ травахъ онъ не зная,
Совсѣмъ противную услугу оказалъ:
Негодную траву за годную считая,
Ту оставлялъ въ саду, а эту вырывалъ.

X.

ЛЕВЪ СВАТЪ.

Левъ, сказывали мнѣ, любовницу имѣлъ,
(Вѣдь занимаются любовными дѣлами,
Не только межъ людьми, но также межъ скотами)
И жаръ къ любовницѣ его охолодѣлъ.
А для того онъ (тожъ, какъ люди поступаютъ,
Что за другаго съ рукъ любовницу сживаютъ,
Когда наскучится имъ все одну любить)
Хотѣлъ красавицу, но не безчестно сжить:
Онъ Барса пестраго хотѣлъ на ней женить.
Да какъ Левъ ни старался,
Женихъ замѣченной никакъ не подавался.
„Но Левъ бы только приказалъ?"
Да Левъ ей счастія желалъ;
А вѣдь любить жену указа не дается.
И въ случаяхъ такихъ политика ведется
И у звѣрей,
Какъ у людей.
Къ тому же дѣло щекотливо,
Любовницу себѣ въ жены такую взять,
Котору ищетъ самъ любовникъ съ рукъ отдать.
А потому ни чуть не диво,
Что жениха не могъ невѣстѣ Левъ сыскать.
Но свадьбы не хотѣлъ ужъ больше отлагать.
Придворному Ослу онъ прямо предлагаетъ:

Послушай, говоритъ: назначилъ я тебя
Любовницы моей супругомъ.
Возьми ее ты за себя;
А я тебѣ дамъ чинъ, и будешь ты мнѣ другомъ."
Осла, не какъ другихъ, раздумье не беретъ.
Оселъ въ безчестьи не задоренъ;
На предложенье Льва Оселъ тотчасъ сговоренъ,
Сказавъ: хотя, какъ судитъ свѣтъ,
Въ женитьбѣ эдакой большой мнѣ чести нѣтъ;
Но милость Львиную она мнѣ принесетъ:
А съ ней толь знатны роги
На четвереньках сплошь вѣдь носятъ и дву-
ноги.

XI.

ДОМЪ.

Былъ домъ, хотя и небольшой,
Однако же такой,
Что выгодъ хоть комубъ достало;
Но какъ любимое людское слово: *мало!*
(То есть когда берутъ,
А не даютъ)
То малъ и этотъ домъ хозяину казался;
И все онъ въ немъ не помѣщался,
Какъ вдоль и вширь и вверхъ его ни прибавлялъ.
Домъ наконецъ, не домъ, а цѣлой городъ сталъ.
И чѣмъ обширнѣе, тѣмъ болѣе смотрѣнья.
Чтобъ не дошелъ до разоренья!
Сперва таки его хозяинъ содержалъ;
Но послѣ собственныхъ ни глазъ, ни иждивенья
Не стало домъ такой въ порядкѣ содержать.
Вѣдь одному не раздѣлиться,
Чтобъ все собой обнять;
А на присмотръ другихъ нѣтъ хуже положиться:
Не видитъ глазъ чужой
Того, что видитъ свой.
И домъ все ветше становится:
Въ томъ мѣстѣ починятъ, въ другомъ;
А въ десяти валится!
Но что?—не только этотъ домъ,

И царство Римлянъ пало,
Когда полсвѣтомъ завладало.
И для того, когдабъ пошло на выборъ мой,
Тобъ я охотнѣй согласился
Имѣть исправной домъ, хотя и небольшой,
Чѣмъ за́мокъ иль дворецъ, которой бы валился.

XII.

ПЧЕЛА и КУРИЦА.

Съ Пчелою Курица затѣяла считаться,
И говоритъ Пчелѣ: ну, подлинно, Пчела!
Такъ въ праздности одной весь вѣкъ свой прожила.
Тебѣ бы тѣмъ лишь заниматься,
Чтобъ на цвѣтокъ съ цвѣтка летать,
Да медъ съ нихъ собирать.
И впрямъ о чемъ тебѣ стараться?
Довольно, что лишь мы не въ праздности живемъ,
И въ день по яицу несемъ. —
„Не смѣйся, Курицѣ Пчела на то сказала:
Что я тебѣ не подражала,
Когда ты вставъ съ гнѣзда съ надсадою кричишь,
Что ты яйцо снесла и всѣмъ о томъ твердишь;
Такъ ты и заключала,
Что праздно я живу. Нѣтъ, нѣтъ!
Ты ошибаешься, мой свѣтъ!
А въ улей загляни; споръ тотчасъ нашъ рѣшится;
Узнаешь, кто изъ насъ поболѣе трудится:
Мы, нашей матери наставленны умомъ,

Прилѣжностью, трудомъ
Себѣ уютной строимъ домъ,
И пищу со цвѣтовъ сбираемъ;
Избытокъ нашъ съ людьми дѣлимъ,
Ихъ яствы услаждаемъ,
Во тьмѣ ихъ освѣщаемъ;
А жало для враговъ и трутней лишь хранимъ."

Кого же мы съ Пчелой и съ Курицей сравнимъ?—
Невѣжда и хвастунъ озлится,
Когда съ насѣдкою сравнится;
Такъ только ко Пчелѣ науку примѣнимъ.

XIII.

ВДОВА.

Нѣтъ, полно больше согрѣшать,
И говорить, что женъ такихъ не льзя сыскать,
Которы бы мужей любили,
И ихъ по смерти не забыли.
Я признаюся, самъ въ томъ часто согрѣшалъ,
И легкомысліемъ полъ нѣжный упрекалъ;
А нынѣ всякой разъ готовъ за женъ вступиться,
И въ вѣрности къ мужьямъ за нихъ хоть побожиться.

Жена
Лишилася супруга.
„Лишилась, вопіетъ она:
Тебя я мила друга,
И полно мнѣ самой на свѣтѣ больше жить.“
Жена терзаться,
Ни спать, ни ѣсть, ни пить,
Морить себя и рваться.
Что ей ни станутъ говорить,
И какъ ни унимаютъ,
Что въ утѣшеніе ея ни представляютъ,
Отвѣтъ жены былъ тотъ: „жестокіе! мнѣль жить,
Мнѣль жить, лишася друга мила?

Нѣтъ, жизнь моя.... могила!“
Отчаяннымъ словамъ
Я былъ свидѣтель самъ.
Вотъ мужа какъ жена любила!
Не льзя, казалося, такъ мертваго любить.

Везутъ покойника къ погосту хоронить,
И опускаютъ ужъ въ могилу;
Жена туда же къ другу милу....
Но не ужъ ль себя и впрямь зарыть дала?—
Нѣтъ! такъ бы за мужемъ чрезъ мѣсяцъ не
была.

XIV.

ПЕРЕПЕЛКА и КРЕСТЬЯНИНЪ.

Прилѣжность и труды въ дѣлахъ употребя,
Къ успѣху лучшая надежда на себя.

Всѣ знаютъ,
Что перепелки гнѣзды вьютъ
За долго передъ тѣмъ, когда поля цвѣтутъ,
А не тогда, какъ хлѣбы поспѣваютъ.
Одна оплошнѣе подругъ своихъ была,
Работою отстала;
Гнѣзда во время не свила,
А начала ужъ вить, когда пора прошла,
И въ полѣ жатва поспѣвала.
Однако молодыхъ
Кое-какъ вывела своихъ;
Да только выучить летать ихъ не успѣла.
И дѣтямъ говоритъ:
„Охъ, дѣти! эта рожь бѣдою намъ грозитъ:
Къ несчастью нашему созрѣла.
Однако слушайте: я стану отлетать
Вамъ корму промышлять;
А вы смотрите
Хозяинъ какъ придетъ,
И рѣчь о чемъ ни заведетъ,
Все до послѣдняго мнѣ слова разскажите.“

Пришедъ Хозяинъ между тѣмъ,
Какъ Перепелка отлетѣла,
Да рожь-то, говоритъ: со всѣмъ
Поспѣла.
Пойти было друзьямъ, пріятелямъ сказать,
Чтобъ завтра помогли мнѣ эту рожь пожать.—
И тутъ, помилуй богъ! какая
Тревога сдѣлалась между перепелятъ!
Ахъ! матушка! ахти! кричатъ:
Друзей, пріятелей сбирая,
Рожь хочетъ завтра вдругъ пожать.
„И!—(говоритъ имъ мать)
Пустое! нѣчего бояться.
Мы можемъ здѣсь еще покойно оставаться.
Вотъ вамъ, поѣшьте между тѣмъ,
И спите эту ночь, не думавъ ни о чемъ.
Да завтра только вы смотрите,
Что ни услышите, мнѣ все перескажите.“

Пришелъ Хозяинъ. Ждать, пождать: нѣтъ ни кого!
Вотъ, говоритъ: до одного
Придти всѣ обѣщали,
А не бывали!
Надѣйся! ну, пойти опять
Теперь родню позвать,
Чтобъ завтра эту рожь пожать.—
Тревога межъ перепелятъ,
И пуще прежняго! Роднѣ своей, кричатъ:
Роднѣ, онъ говорилъ, сбираться!
„Пустое, говоритъ имъ мать: родни бояться!
Инагобъ не было чего.“—

Пришелъ Хозяинъ, такъ какъ приходилъ и прежде;
И видитъ, что родни нѣтъ также никого.
Въ напрасной, онъ сказалъ: я былъ на нихъ надеждѣ;
Впредь вѣрить ни роднѣ не стану, ни друзьямъ.
Для своего добра никто таковъ какъ самъ.
Знать завтра по утру сѣмьею приниматься
Хлѣбъ этотъ помаленьку жать. —
„Ну, дѣти! говоритъ услыша это мать:
Теперь ужъ нѣчего намъ больше дожидаться.“—
Тутъ кто поршкомъ,
Кто кувыркомъ,
Ну, поскорѣе убираться.

—⁂◆⁂—

XV.

ПОБОРЪ ЛЬВИНОЙ.

Въ числѣ поборовъ тѣхъ, другихъ,
Не помню, право, я за множествомъ какихъ,
Опредѣленныхъ Льву съ звѣринаго народа,
(Такъ какъ крестьяне по душамъ
Даютъ оброки господамъ)
И масло также шло для Львова обихода.
А сборъ такой,
Какъ всякой и другой,
Имѣлъ приказъ особой свой:
Звѣрей особыхъ выбирали,
Чтобъ должность сборщиковъ при сборѣ отправляли.
Великъ ли сборъ тотъ былъ, не удалось узнать;
А сборщиковъ не мало было!
Да рѣчь здѣсь не о томъ; мнѣ хочется сказать,
Что какъ происходило,
Когда сбирали тотъ
Доходъ.
Присяжныхъ сборщиковъ часть самая большая,
Другъ другу жирненькой оброкъ передавая
Катали въ лапахъ напередъ;
А масло вѣдь къ сухому льнетъ!
То потому его не мало

Къ звѣринамъ лапамъ приставало!
И такъ переходя кругомъ,
Огромный масла комъ
Сталъ маленькимъ комкомъ.
Левъ въ этомъ своего не находилъ разсчета
А Слонъ, котораго призвалъ
Онъ для совѣта,
Напрямки его величеству сказалъ:
„Гдѣ сборы,
Тутъ и воры;
И дѣло это таково:
Чѣмъ больше сборщиковъ, тѣмъ больше воровство."

XVI.

ЧУЖАЯ БѢДА.

Уже-ль чужой бѣдѣ не должно помогать?

Мужикъ везъ сѣно продавать;
Случился косогоръ, возъ на бокъ повалился.
Мужикъ ну возъ приподымать.
И очень долго съ возомъ бился,
Да видитъ одному ему не совладать:
Проѣзжаго къ себѣ на помощь призываетъ.—
„Вотъ, чортъ на косогоръ занёсъ“
Проѣзжій отвѣчаетъ,
И мимо погоняетъ.
Мужикъ вздохнулъ, и всѣ напрягши силы, возъ
Кое какъ приподнявъ, съ крутой горы спускаетъ.
Спустилъ; анъ видитъ тутъ съ саньми во рву
лежитъ
Проѣзжій, что ему дать помощь отказался
И мимо вскачь промчался.
Теперь же мужику: „ой! помоги“ кричитъ.
Мужикъ спокойно проѣзжаетъ.
„Знать врагъ
Занесъ въ оврагъ,
Проѣзжему онъ отвѣчаетъ:
Ты мнѣ не захотѣлъ помочь;
Лежи жъ и самъ теперь. Прощай, братъ добра
ночь!“

XVII.

СТАТУЯ.

Искусной нѣкакой рѣзчикъ,
Какъ трудъ казался ни великъ,
Затѣялъ вырѣзать статую,
Такую,
Котораябъ могла ходить, лежать, сидѣть,
И слушать и глядѣть,
И словомъ: чувства всѣ какъ человѣкъ имѣть.
Рѣзчикъ Статую начинаетъ,
Все мастерство свое рѣщикъ истощеваетъ:
Статуя движется, статуя говоритъ,
И человѣческой въ всемъ имѣетъ видъ;
Но все статуя та не человѣкъ—машина.
Статуя дѣйствуетъ, коль дѣствуетъ пружина.
Искусствомъ чувствъ не дашь, когда природныхъ нѣтъ.
Со всѣмъ тѣмъ къ ней народъ толпами собирался;
Статуѣ каждой удивлялся;
Всякъ отъ статуи безъ ума.

Но съ тѣхъ поръ знать весьма
Искусство это расплодилось:
Статуй сихъ множество межъ нами появилось.

XVIII.

ИМѢНІЕ и ССОРА.

Не вѣсть разбойники, не вѣсть Мурзы какіе,
Да только люди не простые,
И двое ихъ всего,
(То есть: вотъ этихъ только двое,
А ихъ число со всѣмъ другое)
Сложились съ шайкой ихъ сосѣда своего
Вонъ выгнать изъ владѣнья,
И раздѣлить между собой его.
Гдѣ между частныхъ споръ случится о раздѣлѣ,
Тамъ можно способы черезъ людей найти,
Кое-какъ ссору развести;
А въ этомъ спорномъ дѣлѣ,
Гдѣ всякъ считался самъ большой,
Чѣмъ споръ рѣшить какъ не войной?
Пошла война: дрались, безъ счоту побивали.
Но какъ лишь бьющихся число,
Неспорющихся уменьшали,
То что войну пресѣчь могло?
Иные ужъ желали,
Что хоть бы правой проигралъ,
Лишь толькобъ драться перестали.
„Да что? шутъ нѣкто разсуждалъ:
Хоть двое третьяго теперь и одолѣютъ,
За тожъ имѣніе вдвоемъ войну затѣютъ.“

—⁂—

XIX.

БУКВЫ.

Что бы ученыхъ отучить
Въ словахъ смыслъ тайный находить,
Которой въ нихъ они находятъ,
И сумазбродствуя, другихъ въ безумство вво-
дятъ;
Не помню Царь земли какой
Ихъ шуткой отучилъ такой:
Подъ городомъ однимъ развалины стояли,
Остатки башенъ городскихъ;
А около лежали
Обломки ихъ.
На сихъ обломкахъ Царь, ученымъ въ искушенье,
Изсѣчь по буквѣ приказалъ,
И будто древнія въ развалинахъ сыскалъ,
Онъ разослалъ ихъ на рѣшенье.
„Посмотримъ, Царь сказалъ:
Какое выведутъ ученые значенье?
Ужъ то-то толки тутъ
Пойдутъ!“—
И подлинно пошли: хлопочутъ, разбираютъ,
Чтобъ тайный смыслъ найти словамъ.
Разсылка буквъ по всѣмъ землямъ:

Всѣ Академіи къ рѣшенью приглашаютъ;
И толковъ тысяча идетъ:
Иной Египетскихъ сокрытыхъ таинствъ свѣтъ
Тутъ выискалъ; инаго мнѣнье,
Что тутъ предсказанъ день всемірнаго рушенья;
Иной въ значеньи ихъ нашелъ зарытый кладъ;
И вкось и вкриво всѣ о буквахъ сихъ твердятъ;
Но мрака древности никто не проницаетъ!

Царь наконецъ, хотѣвъ ихъ глупость обличить
Всѣмъ приказалъ къ себѣ ученымъ быть,
И заданныя имъ самъ буквы объясняетъ.
Весь смыслъ не разрѣшимыхъ словъ
Былъ тотъ: *здѣсь водопой ословъ.*

—⁂—

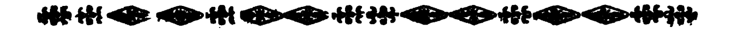
XX.

ПРИВИЛЛЕГІЯ.

Какой-то Левъ велѣлъ указъ публиковать:
Что звѣри могутъ всѣ впередъ безъ опасенья,
Кто только смогъ кого, душить и обдирать.—
Что лучше быть могло такого позволенья
Для тѣхъ, которые дерутъ и безъ того?
Указа этого нигдѣ не толковали;
Всю силу тотчасъ понимали.
Ужъ то-то было пиршество!
И кожу, кто лишь могъ съ кого,
Похваливаютъ знай указъ, да обдираютъ.
Душъ, душъ погибло тутъ!
Что и считаютъ,
Не сочтутъ.
Лисицѣ мудрено однако показалось,
Что дозволеніе такое состаялось.
Звѣрямъ свободу дать
Другъ съ друга кожи драть!
Весьма сомнительнымъ Лисица находила,
И для себя самой и для другихъ скотовъ.—
„Повывѣдать бы Льва!“ Лисица говорила.
И Львиное его величество спросила;
Не такъ чтобъ прямо — нѣтъ! какъ спрашиваютъ Львовъ:

Полисьи; на вѣсы кладя значенье словъ,
Все хитростью, обиняками,
Придворно гладкими словами:
„Не будешъ ли его величеству во вредъ,
Что хищны звѣри власть такую получили?“ —
Но сколько хитрости ея ни тонки были,
Ей Левъ на то въ отвѣтъ
Ни да, ни нѣтъ.—
Когдажъ по Львову разчисленью
Указъ ужъ дѣствіе свое довольно взялъ,
По высочайшему тогда соизволенью
Левъ всѣмъ звѣрямъ къ себѣ явиться приказалъ.
Тутъ тѣ, которые дородствомъ отличились,
Домой не воротились.—
„Вотъ я чего хотѣлъ, Лисицѣ Левъ сказалъ,
Когда указъ вамъ далъ.
Чѣмъ по клочкамъ мнѣ жиръ сбирая суетиться,
Я лучше далъ ему скопиться,
Чтобъ облегчить мой трудъ.“—
Хотѣла было тутъ
Лисица въ возраженье
Сказать свое объ этотъ мнѣнье,
И изъясниться Льву о дѣйствіи худомъ;
Да вобразила то, что говоритъ со Львомъ....

И я бы за Пашей отнюдь не заступился;
Зажалъ бы какъ Лисица ротъ,
Когда бы въ Турціи родился,
Гдѣ иногда Султанъ со Льва примѣръ берётъ.

XXI.

МЕТАФИЗИКЪ.

Отецъ одинъ слыхалъ,
Что за море дѣтей учиться посылаютъ,
И что того, кто за моремъ бывалъ,
Отъ небывалаго и съ вида отличаютъ.
Такъ чтобъ отъ прочихъ не отстать,
Отецъ немедленно рѣшился
Дѣтину за море послать,
Чтобъ доброму онъ тамъ понаучился;
Но сынъ глупѣе воротился.
Попался на руки онъ школьнымъ тѣмъ вралямъ,
Которые съ ума не разъ людей сводили,
Неистолкуемымъ давая толкъ вещамъ;
И малаго не научили,
А на вѣкъ дуракомъ пустили.
Бывало съ глупости онъ попросту болталъ;
Теперь все свысока безъ толку толковалъ.
Бывало глупые его не понимали;
А нынѣ разумѣть и умные не стали.
Домъ, городъ и весь свѣтъ враньемъ его скучалъ.

Въ метафизическомъ бѣснуясь размышленьи,
О заданномъ одномъ старинномъ предложеньи:
Сыскать начало всѣхъ началъ—
Когда за облака онъ думой возносился,

Дорогой шедши оступился,
И въ ровъ попалъ.
Отецъ, которой съ нимъ случился,
Скорѣе бросился веревку принести,
Премудрость изо рва на свѣтъ произвести.
А умной между тѣмъ Дѣтина
Въ той ямѣ сидя, разсуждалъ:
„Какая быть могла причина,
Что оступился я и въ этотъ ровъ попалъ?
Причина, кажется, тому землетрясенье;
А въ яму скорое стремленье,
Центральное влеченье,
Воздушное давленье.....“

Отецъ съ веревкой прибѣжалъ.
Вотъ, говоритъ: тебѣ веревка! ухватися,
Я потащу тебя, держися.—
„Нѣтъ, погоди тащить; скажи мнѣ напередъ
(Понесъ Студентъ обычной бредъ)
Веревка вещь какая?“

Отецъ его былъ неученъ,
Но разсудителенъ, уменъ;
Вопросъ ученый оставляя,
Веревка вещь, ему отвѣтствовалъ: такая,
Чтобъ ею вытащить, кто въ яму попадетъ.—
„На этобъ выдумать орудіе другое“
Ученый все свое несетъ:
„А это что такое?...
Веревка!—вервіе простое!“—
Да время надобно! отецъ ему на то
А это хоть не ново,

Да благо ужъ готово.—
„Да время что?“—
А время вещь такая,
Которую съ глупцомъ не стану я терять.
Сиди, сказалъ отецъ: пока приду опять.—

Что если бы вралей и остальныхъ собрать,
И въ яму къ этому въ товарищи послать?...
Да яма надобна большая!

XXII.

СОБАКА и МУХИ.

Собака ловитъ мухъ, однако не поймаетъ;
И глупая не разсуждаетъ,
Что муха вѣдь летаетъ.—
Лови, собака! то, что сыщешь подъ ногой;
Не то, что надъ твоей летаетъ головой.

XXIII.

ДУРАКЪ и ТѢНЬ.

— Я видѣлъ одного такого дурака,
Которой за своей всегда гонялся тѣнью:
Хотѣлъ ее поймать; казалось и близка;
Но бѣганью его, круженью,
Конца нѣтъ; а поймать не можетъ ничего:
За тѣнью онъ, тѣнь отъ него.—
Изъ жалости къ нему, что столько онъ тру-
дится,
Прохожій дураку велѣлъ остановиться.
„Ты хочешь, говоритъ ему онъ: тѣнь поймать?
Да ты надъ ней стоишь; а чтобъ ее достать,
То стоитъ только наклониться.“
Такъ нѣкто въ счастіи да счастія искалъ.
Одинъ мудрецъ ему сказалъ:
Ты счастья ищешь, а не знаешь,
Что ты гоняяся за нимъ, его гоняешь.
Послушайся меня, и ты его найдешь:
Остановись твоимъ желаньемъ,
И будь доволенъ состояньемъ,
Въ которомъ ты живешь.

Чужія Басни.

ЛЬВИНОЙ УКАЗЪ.

„Такое-то число и годъ,
„По силѣ даннаго велѣнья,
„Рогатой крупной, мѣлкой скотъ
„Имѣетъ изгнанъ быть изъ львинаго владѣнья,
„И долженъ выходить тотчасъ.“—

Такой отъ Льва звѣрямъ объявленъ былъ указъ;
И повиновались:
Направился Козелъ, Бараны въ путь сбирались,
Олень, и волъ, и всѣ рогатые скоты,
И Заяцъ по слѣдамъ въ догонку ихъ.—А ты,
Косой куды?
Кричитъ ему Лиса.—„Ахъ! кумушка! бѣды!“
(Трусливый Зайчикъ такъ Лисицѣ отзывался,
А самъ совался,
И метался)
„Я видѣлъ тѣнь ушей моихъ;
Боюсь сочтутъ рогами ихъ.
Ахти! за чѣмъ я здѣсь остался?
Опаснѣйшими ихъ рогами обнесутъ.“—
Ума въ тебѣ, косой! не стало: это уши!
Лисица говоритъ.—„Рогами назовутъ;
Пойдутъ и уши тпруши!“

МАРТЫШКА, ОБОЙДЕННАЯ ПРИ ПРОИЗВОЖДЕНІИ.

Случилося у Льва въ чины произвожденье.
За службу должно награждать:
Но я хочу сказать,
Что злоупотребленье
И въ скотской службѣ есть.—
„Ну какъ безъ огорченья
Возможно службу несть,
Когда достоинство всегда безъ награжденья?“
(Мартышка говоритъ
На Льва разсержена:
Обижена была она
И обойденною считалась)
„Передъ лицемъ служа, Мартышкой я осталась!
Медвѣдь сталъ господинъ,
И Волка наградили;
Лисицу черезъ чинъ
Судьею посадили
Въ куряшникѣ рядить.
Случится же судью такъ кстати посадить!
А гдѣ они служили?
Край свѣта, на войнѣ; и то
Не вѣдаетъ еще ни кто,
Что били ли они, или самихъ ихъ били.
А я
Хотя не воинъ,
Хотя и не судья,

